

АЛЕКСАНДРА ХМАРСКАЯ

18+

МОЖНО ПРОСТО ЭТЕРИ

ДРУЖБА, СМЕРТЬ И КОННЫЙ СПОРТ НА ОКРАИНАХ СИБИРИ

Александра Хмарская
Можно просто Этери.
Дружба, смерть и конный
спорт на окраинах Сибири

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66444610

ISBN 9785005538819

Аннотация

Саша Сирина – примерная дочь, школьная олимпиадница, подающая надежды спортсменка. Она мечтает подружиться с популярными девочками и выиграть всероссийские соревнования по конному спорту. Всё меняется, когда она знакомится с новенькой в конноспортивном клубе. Девочка с необычным именем Этерина дает ей то, чего она давно хотела – дружбу с «крутыми» и популярность в коллективе. Поможет ли эта дружба воплотить мечты Саши о спортивной карьере или, наоборот, разрушит их – читайте в романе.

Содержание

Стати лошади	5
Части амуниции	6
Схема конного клуба	7
От автора	8
Часть 1. За неё	11
1	11
2	16
3	28
4	34
5	38
6	42
7	46
8	56
9	58
10	61
11	63
12	66
13	71
14	77
15	84
16	86
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Можно просто Этери Дружба, смерть и конный спорт на окраинах Сибири

Александра Хмарская

Иллюстратор Светлана Абрамова

© Александра Хмарская, 2021

© Светлана Абрамова, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0055-3881-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

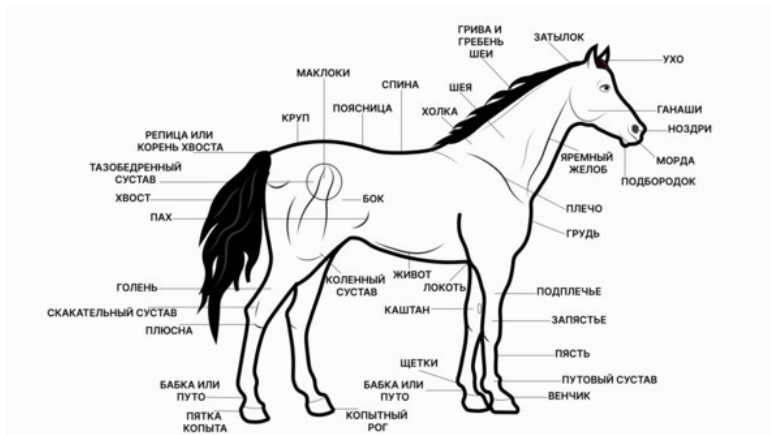
Александра Хмарская – Можно просто Этери

Роман

События в романе и герои вымышлены, все совпадения с реальными людьми случайны.

Иллюстрация: Светлана Абрамова

Стати лошади

Части амуниции

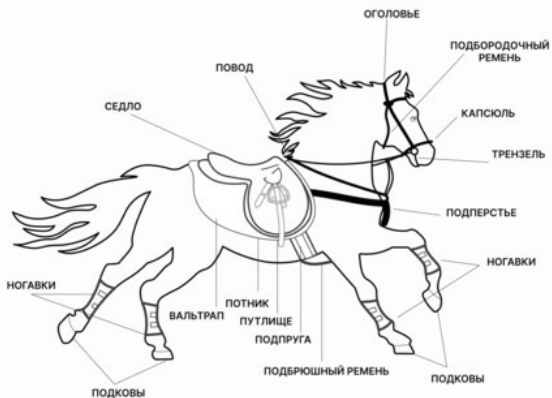
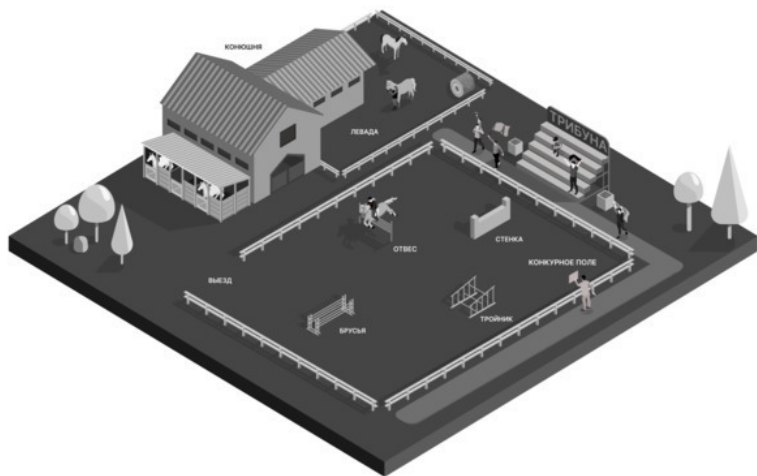

Схема конного клуба

От автора

Всё началось, когда я ни с того ни с сего решила почистить свои переписки «Вконтакте». Так я снова наткнулась на её страницу – в последний раз мы переписывались почти десять лет назад, и переписка эта – с матерными угрозами. Но это всё враньё. Наши последние слова друг другу были совсем другими.

На аватарке она до сих пор держит недовольного кота и широко улыбается. А в диалоге угрожает разбить мне е... лицо, пишет, требует денег – тысячу рублей, сумму целой жизни для пятнадцатилетней девочки – и по пунктам распи-сывает, что мне нужно сделать, чтобы меня не побили она и её «друзья».

Помню, как обиделась на слово «друзья». Ревновала страшно.

Все эти почти-десять-лет она была незримо рядом со мной. Рядом со мной и Алёной – с ней вы ещё познако-митесь. Мы никогда не разговаривали о ней по-настоящему, ограничивались сухими напоминаниями о нашем прошлом и многозначительным молчанием.

А всё это время я видела её.

Вот она в волосах трёхлетней огненно-рыжей девочки. Вот мой одноклассник подкуривает толстую сигарету с ры-жим фильтром точно так же, как когда-то подкуривала она.

Вот я ловлю взгляд совершенно незнакомой мне недружелюбной женщины – и ясно вспоминаю её зелёные глаза с выцветшими, жёлтыми ресницами.

Правда, снилась она мне за это время редко. Раз, или, может, два.

Я прочитала те сообщения и решила, что это не должны быть последние слова, которые мы сказали друг другу. Она стала для меня плохой компанией, связываться с которой родители не советуют, но которая в конце концов куёт из тебя – тебя, капля за каплей смывая с твоего характера липкие слои чужого, навязанного, и выпуская тебя на волю, как пресловутую птичку.

Я стала её частью, а она стала частью меня. Такие люди должны жить, решила я, и задумала переселить её из отсыревшей древесины гроба на свежую типографскую древесину книги.

Жаль, что жизнь устроена таким подлым образом. Никто заранее не подскажет, когда вы в последний раз поговорите с лучшей подругой или поцелуете любовь всей жизни. А когда вам пятнадцать, вы ни за что не поверите, что скоро жизнь начнёт мчаться со скоростью пьяного мотоциклиста и что все синяки на вашем сердце когда-нибудь покажутся вам детскими и глупыми, а некоторые вы и вовсе начнете считать играми собственного воображения. Возможно, если я встречу на улице кого-то из того времени, кого-то, по кому так мучительно страдало моё подростковое сердечко, я

просто не узнаю его и пройду мимо, даже если он наденет ту самую толстовку, в которой звал меня гулять в самый первый раз.

Я посвящаю ей каждое слово. И, раз она жива на этих страницах, я позволю себе напомнить ей кое-что.

Этери, ты обещала на небесах попросить для меня самого лучшего ганновера. Не забудь!

Часть 1. За неё

Вверх-вверх-вверх до небес

Я залез сюда не знаю зачем, но уже залез

Loc-Dog

1

Я остановилась в подъезде и вытерла с лица остатки крови. Последние сгустки испачкали манжет розового свитера, а засохшая кровь осыпалась на пол, как старая ржавчина.

Медленно поднимаясь на свой этаж, я думала, что большого смысла в этой процедуре не было. Если я сломала нос, мама это заметит.

Когда она здоровалась со мной и спрашивала, как прошла тренировка, я смотрела куда-то в сапоги.

Переодеваться в комнате было нельзя: если одежда тоже в крови, мама успеет сделать бог-знает-какие выводы, пока я в душе бока намыливаю. Поэтому я разделась в неприлично маленькой ванной комнате, где даже развернуться получалось с большим трудом.

Я сбросила одежду в стирку и даже не взглянула на себя в зеркало. Мышцы расслабились под напором горячей воды. Я присела на неудобное дно ванны, подогнула под себя ноги

и усталилась в блестящее отверстие слива. В голове не было ни единого звука. Спину обожгло металлической болью. Тонкие струйки крови, в голубой ванне казавшиеся чёрными, окутали мои ступни и окружили слив – он засиял уже чёрным блеском. Каждая секунда боли снова и снова возвращала меня к той злополучной леваде¹.

Вот я подхожу к ограждению, вижу его. Он стоит на другом конце загона, крупом ко мне, но я уверена – он знает, что я пришла, он меня видит. Я неловко перебираю в руке ярко-оранжевую лейцу². Открывать ворота мне не хочется – Лорд известен своей способностью убежать из левады, а мне этого допустить нельзя, мне первый раз доверили забирать его одной. Я прекрасно видела, сколько проблем он доставлял конюхам, когда те по двое, а то и по трое вели его из левады домой на обед.

Я пролезаю между прутьев и иду ему навстречу. Стараюсь двигаться как можно непринуждённое. С такими, как он, нужно сразу поставить себя, иначе он сядет на шею и никогда оттуда не слезет. Я главная, я голова, ты – тело, я принимаю решения, ты исполняешь мои приказы. Других отношений у нас с тобой быть не может.

Он гораздо крупнее других лошадей – сто восемьдесят шесть сантиметров в холке, он даже выше моего отчима. Это

¹ Левада – загон для выгула лошадей.

² Лейца – поводок для лошадей. В некоторых регионах его называют «чомбур» и слово «лейца» не понимают хоть у бей.

на семнадцать сантиметров выше моей собственной макушки. А у него это только спина, даже не голова. Его коричнево-рыжая шерсть переливается и блестит даже сейчас, когда на небе молочная мартовская пелена, когда на солнце нет даже намёка. Может быть, это от контраста с его чёрным хвостом или с белоснежными копытами. Он неподвижен, но я замечаю, как напряжены его мышцы, вижу, что его уши повернулись в мою сторону. Он знает, что я здесь. Он просто ждёт удачного момента.

Струйки крови становились всё больше и всё шире. Кровь окутывала уже не только дно ванны и слив, но и мои ноги, мои плечи, мои руки, мой живот.

Я достаю из кармана сахар и протягиваю ему – я знаю, на что ведутся такие, как он. Такие, как он, на всё готовы ради кусочка рафинада. Он прижимает уши – плохой знак – и протягивает ко мне свою гигантскую голову на чудовищно огромной шее, изгибается как змея, но круп от меня не отводит – знак ещё хуже. Я держусь из последних сил: разыгрывать спокойствие не так уж и просто, когда внутри всё сжалось от страха. Он резким движением срывает сахар с моей ладони. Не так, как обычные лошади – мягко, одними бархатными губами – а в своей зловещей манере: резко, открыв рот и обнажив зубы, как бойцовская собака при атаке. Я хватаю его за недоуздок³ и цепляю лейцу к ржавому кольцу. Су-

³ Недоуздок – домашний вариант уздечки. У недоуздка нет трензеля и поводов, чаще его делают из обычной тесьмы, поэтому лошадь может находиться в недо-

дорожно выдыхаю. Готово. Он у меня в руках.

Я лениво протянула руку за гелем для душа, с усилием открыла заевшую крышку, и к удушающему запаху ржавчины добавился нежный аромат пионов.

Он хитёр, как те самые лисы из детских сказок, и это в нашем клубе известно всем. Я веду его вот уже добрых десять метров, мы почти дошли до выхода из левады, я всё крепче сжимаю в руках лейцу и всё четче делаю каждый шаг. Но вот секунда – и он уже на свечке⁴, вытягивается в весь свой феноменальный рост, размахивает копытами в сторону солнца. Я знаю, что отпускать из рук лейцу ни в коем случае нельзя – стоит потерять его один раз, и мне он больше не дастся. Я цепляюсь в оранжевый поводок из последних сил, руки обжигает плотная тесьма, я теряю почву под ногами – он утягивает меня за собой, наверх. Мне не страшно. Он бро-сается в сторону, а я получаю глухой удар по спине – сравнительно лёгкий, меня едва задело, но достаточный, чтобы меня отбросило в сторону. И вот я, зажмурившись, торможу по глиняному месиву своим лицом, затем спиной, затем опять лицом.

Когда остатки пота и крови смылись, пришло то блаженное чувство, которое разливается множеством искр внутри живота. Завтра снова на тренировку.

Я вышла из ванной в халате. Пока мамы не было на кух-

уздке долго.

⁴ Т.е. на дыбах.

не, я стащила из холодильника заживляющую мазь. Верну утром, она не заметит.

2

Тяжелая дверь раздевалки распахнулась от пинка Ольги Николаевны. Наша тренер терпеть не могла появляться как-то тривиально. Она предпочитала либо врываться в помещение с громкими новостями, либо неумолимо надвигаться откуда-то издалека, зловеще засунув руки в карманы синего жилета.

За ней совершенно по-солдатски вошла новенькая спортсменка. Мы все мельком видели её сегодня во время тренировки, но никто так вблизи и не разглядел. Конечно, мы все сгорали от любопытства.

– Девочки, присядьте на минутку, – сказала Ольга Николаевна. – Хочу вас познакомить с новой спортсменкой. Знакомьтесь, Этерина Витальченко. Она приехала к нам из Воронежа и войдёт в состав основной группы...

Дальше я уже не могла слушать. И девчонки тоже наверняка не слушали стандартные инструкции – кто должен показать амуничник⁵, кто должен освободить для неё шкафчик, а кто должен провести новенькую по всей территории.

Меня очаровало её имя, как очаровывала древних греков песнь сирен – Этери-на. Э-те-ри-на. Девочки сразу зашептались, переспрашивая друг друга: «Как? Ты расслышала?». А я услышала её имя четко, будто мне показали её паспорт.

⁵ Комната для хранения конной амуниции.

Как бы вы сами представили себе девушку, которую зовут Этерина?

Я бы, например, представила ее статной, высокой, этаким нимфой, принцессой из немецкого фольклора эпохи Средних веков. Она бы смеялась еле слышно, слегка запрокидывала голову набок и никогда не перебивала бы собеседника.

Но живая Этерина совсем не подходила своему имени.

Рыжие волосы были собраны в небрежный растрепанный пучок. У нее было какое-то мальчишеское лицо, на котором огнём выделялись острые, злые зелёные глаза. Она смотрела на всех пристально, будто подозревала всех нас в хладнокровном убийстве. Я сразу обратила внимание на её руки: ногти обгрызены, розовая кожа совсем покраснела в некоторых местах, пальцы, от природы длинные и тонкие, были похожи на пальцы уличного пацана, который привык драться вместо «здравствуйте».

Девочки, сидевшие передо мной, не отводили от неё глаз, хоть и знали, что пялиться некрасиво. Мы все нагло изучали её – она создавала впечатление королевы сорванцов. Сорванцами мы не были, но я не сомневалась, что если эта Этерина станет нашим лидером, то мы все закончим в какой-нибудь колонии для несовершеннолетних.

На тренировке моя челюсть столько раз отваливалась, что уже начинала болеть.

Как и в раздевалке, всё внимание на конкурном поле⁶ было приковано к одной Этерине. Даже Ольга Николаевна, казалось, была сильно удивлена одному её присутствию и уделяла рыжей девочке больше внимания, чем всем остальным спортсменкам.

Сегодня новенькую посадили на Буяна – маленького кудрявого коника, характер которого полностью соответствовал его имени. Обычно он носил⁷ всех, кто хоть чем-то ему не нравился. Мы всегда играли в лотерею: сколько получится продержаться в седле на Буяне, прежде чем он перестанет подчиняться и начнёт носиться по площадке как угорелый.

Но под Этериной... Это было нечто.

Конь двигался чётко, даже не пытался увезти девочку на другой конец поля или вовсе к конюшне. Этерина, раскрасневшаяся и сосредоточенная, была похожа на солдата: её бёдра плотно прилегали к седлу, стопы были в идеальном положении – пятка вниз, носок вверх – а руки, легко державшие повод, даже не дрожали.

Эта девочка не новичок.

– Этерина, отлично! – крикнула Ольга Николаевна. В моём сердце обидно защемило: первую похвалу от нашего тренера я услышала спустя два года ежедневных тренировок.

⁶ Площадка со специальным грунтом, где всадники могут ездить верхом и прыгать. Обычно размером 60x100м.

⁷ Скакал галопом вопреки сигналам всадника.

Мы толпой загрузились в старый носатый пазик, выкрашенный в бело-голубые цвета. Водитель с украинским акцентом, дядя Паша, снова курил прямо в кабине.

Обычно мы садились вдвоём с Алёной – моей закадычной подружкой, с которой я познакомилась в самый первый день на конном, когда нам было по 11 лет. Вернее... Если быть до конца откровенной, мне только нравилось называть её закадычной подружкой. Вряд ли она считала так же.

Алёна была не из тех девочек, которых я могла бы представить среди моих друзей. Она была популярной в классе, у неё было много друзей и знакомых, она знала чуть ли не всех в своём районе и всегда знала, что сейчас модно. За все четыре года, что мы хорошо общались в стенах конюшни, мы ни разу не гуляли в реальном мире. Я намекала на встречу или прогулку – а она, видимо, усиленно делала вид, что не понимает моих намёков.

Но кто я такая, чтобы судить? Если бы я была на месте Алёны, я бы тоже не стала с собой дружить и тем более знакомить с остальными друзьями. В школе меня считали заучкой, никаких друзей у меня не было с начальной школы, я понятия не имела, как надо одеваться. Я просто не подходила на роль популярной девочки, хоть и могла бы стать кому-нибудь хорошей подружкой. Популярная девочка в моём представлении должна была уметь пить алкоголь, красиво курить и тусоваться с крутыми пацанами. Я же тусовалась только с книгами, да и, плюс ко всему, плохо видела.

Но я не унывала и продолжала общаться с Алёной на тренировках. Однажды она точно решится погулять со мной вне конюшни. Может быть, когда мама купит мне новые джинсы.

Поэтому я отогнала грустные мысли и огляделась по сторонам. Сегодня Алёна опаздывала на вахту – так мы называли наш рейсовый автобус, развозивший нас домой – и я села одна.

Я кинула сумку на соседнее кресло, но вместо Алёны ко мне под села Этерина.

– А ты, значит, Саша, да? – спросила она совершенно будничным тоном.

– Здесь занято, – сказала я. Голос предательски дрогнул.

– Давай что ли познакомимся с тобой, – Этерина не заметила моего возражения. – Меня зовут...

– Этерина. Я запомнила.

Она вздёрнула брови и хмыкнула.

– Значит, запомнила? Вот спасибо, а то я устала всем по буквам объяснять.

В автобус вошла Алёна и замерла в переходе, уставившись на меня. Я пожала плечами. Она мягко улыбнулась и прошла на места в конце автобуса.

– А ты вроде Саша, которая ездит на Лорде, – констатировала Этерина. – Он у тебя красавец, справляешься с ним?

– Да как сказать, – рассмеялась я. – Под верхом⁸ он очень

⁸ Т.е. когда всадник сидит в седле, сленг.

покладистый в последнее время. А в руках⁹ – хоть в спецкостюме с ним занимайся. Не принимает меня, что бы я ни делала.

– Да-а, – протянула она экспертным тоном, – с такими, как он, сопли распускать нельзя, а то задавит и не заметит. Он себя так ведёт, потому что он большой. Ты для него – букашка и ничего не стоишь. Вот когда ты в седле, когда у тебя есть шенкеля¹⁰, когда у него в зубах железо, а у тебя в руках повод, ты для него авторитет. А что ты с пола сделаешь? Ты же ему еле до плеча дотягиваешься. Он понимает, что может делать, что хочет, и за это ему ничего не будет. Вот и делает. Потому что можно.

– И что же мне теперь, с хлыстом за ним ходить? – спросила я.

– А почему бы и не с хлыстом? – Этерина пожалала плечами. – Пару раз попадёшь по заднице, чтоб искры из глаз посыпались, и сразу пай-мальчиком станет. У нас похожий товарищ был, Хан, в Воронеже. Самый большой, ганновер¹¹, жеребец – вот и гонору. Меня он сначала даже в денник¹²

⁹ Это когда всадник ведёт лошадь за повод или лейцу. Тоже сленг.

¹⁰ Шенкель – зона ноги всадника от колена до пятки. Шенкелем лошадь посылают вперёд: то есть сжимают голенью бока животного.

¹¹ Ганноверская лошадь – теплокровная порода лошадей. Отличаются выдающимися навыками в конкуре и высоким ростом.

¹² Комната для содержания лошади, которую почему-то часто путают со стойлом. Денник просторный, не менее двенадцати квадратных метров. Стойло же вмещает стоящую привязанную лошадь и по факту в российских конюшнях

не пустил. Отходила его пару раз по жопе, сразу по-другому запел.

– Ты предлагаешь мне войти в денник к Лорду и просто так, без причины, побить его по заднице хлыстом? – я стеснялась произносить слово на букву «ж».

– Да, именно это я и предлагаю.

– Ну, я не буду этого делать.

– Почему? Гуманная? Добрая? – она заглянула мне прямо в глаза и, не дождавшись ответа, продолжила: – Я тоже гуманная была. Ты хоть раз с лошади-то падала?

– Падала, – гордо ответила я.

– Ну, видать, удачно падала, – съязвила Этерина. – Я тоже как бы от лошадей не получала, всегда им оправдание находила. Ох, испугался, ах, перенервничал. Вот когда Марат Пол мою подругу убил, тогда я сразу про гуманность забыла.

Я чуть не подавилась собственной глоткой.

– Убил? Твою подругу? Это как это – убил?

– А очень просто. Она тоже добрая была, ни разу даже хлыста в руки не взяла. Пылинки с него сдувала. А он дурил каждую тренировку – то испугается и подхватит¹³, то просто так, без причины понесёт. И вот они к стартам готовились, прыгали метровый маршрут¹⁴. А он красавец, тоже ганновер, ростом метр семьдесят, бурый весь такой, гордость нашей

практически не встречается.

¹³ Выбьется из-под контроля всадника и понесётся карьером.

¹⁴ Т.е. проходили серию препятствий высотой до метра.

конюшни. Прыгал отменно, до ста пятидесяти не моргая ходил. Но баловался – на маленьких маршрутах ему скучно было, он и напрягаться не хотел, типа было бы, ради чего. В общем, он так потихоньку и полз. Помню, тренер ругался – двигай да двигай. Ну она собралась с духом и двинула перед последним барьером, как надо. А он же баловался, решил – повод подхватить. И только ноги приземлились передние, как он дёрнул. Подруга моя даже сообразить ничего не успела. Тренер пока тупил, он уже выбежал с площадки и по асфальту к конюшне чистым карьером¹⁵ нёс. А там машина навстречу резко на парковку выкрутила. Ну он и дал по тормозам. Девчонка слетела прямо на асфальт, неудачно очень, на голову. В итоге шею сломала. Головой тормозила, мы прибежали, а у неё тело в одну сторону смотрит, а голова назад повернута, как в ужастиках.

Я молча смотрела на спинку переднего сидения. Этерина ждала от меня ответа – я чувствовала это правым ухом.

– Самое обидное, – уже тише добавила она, – что не долетела, бедная, всего двадцать сантиметров до груди опила. Совсем чуть-чуть бы сильнее из седла вылетела, сейчас жива была бы. А ей тогда всего тринадцать лет было.

Когда я упала в тринадцать лет, я впервые сломала два ребра. А вдруг тоже умереть могла?

– Она что, без шлема была? – выдавила я, пытаюсь найти

¹⁵ Самый быстрый темп галопа. Как на скачках. На карьере лошадь развивает до 70 км/ч.

хоть одну причину такой глупой и жуткой смерти.

– Да в шлеме, в шлеме. Только чем тебе шлем поможет, когда ты в асфальт с такой скоростью летишь? Прямо головой!

– Ты не думай, я знаю, что лошадь убить может, – прошептала я. – Нам всем про Алиночку напоминают регулярно. Я не поэтому Лорда бить не хочу.

– Какую Алиночку? – Этерина явно заинтересовалась.

– Тебе Ольга Николаевна ещё не рассказывала разве? Она всем эту байку травит, когда технику безопасности на подпись даёт. Ты что, ещё не расписалась?

– Да всё я расписалась, – отмахнулась она. – Просто ничего мне никто не рассказывал. А ты расскажи! Интересно!

– Ничего в этом интересного нет, – сказала я, и мы обе замолчали.

Но рассказать главный ужастик «Белого всадника» меня так и подмывало.

– Ну ладно, слушай. Это было четыре года назад, я тогда только заниматься пришла, пару раз сесть и успела. У нас занималась Алиночка – её так все называли, потому что она самая маленькая была, ей было лет десять.

Этерина закатила глаза.

– Ну и вот, тогда у нас ещё Эдельвейс стоял, – продолжила я. – Красивый! Пятилетка жеребец. У Ольги Николаевны «Вконтакте» есть его фотки, потом посмотри. Но злоющий – его с мясокомбината выкупили откуда-то из Тюмени,

сюда привезли. Людей дико боялся и на всех кидался. Вот. Ну и все дети от него без ума были. Все фоткались, и я тоже фоткалась, но в денник к нему запрещено было заходить, из левады только сама Ольга Николаевна забирала. Он вообще никого к себе не пускал, говорят, его до крови били. Я не знаю, зачем и какие звери. Но вот как-то так – к деннику подходишь, а он уши прижимает и задом разворачивается. А Алиночка вбила себе в голову, что он её любимый. Мол, единственная лошадь, больше ей неинтересен никто, называла его Эдичкой. Ждала, когда её на него посадят. Сахаром не прикармливала, за амуницией не следила, просто говорила, что он её любимый.

– Малые так всегда делают, – рассмеялась Этерина. – Бесит до ужаса.

– Да, бесит, – кивнула я. – Но это ладно, если просто хвастаются. А она уверена была, что он её тоже любит и только её одну и подпускает к себе. И её как-то привезли раньше, чем вахта приехала. Ольга Николаевна об этом не знала, она не успела даже из тренерской выйти – из окон парковки не видно. А в главной леваде гулял Эдельвейс, один. Алиночка похвастаться решила перед родителями, наверное, но в общем она выскочила из машины, даже дверь не закрыла и рванула в леваду. Через ограждение перелезла, бежит, кричит «Эдичка, любимый, я приехала!». Аж с визгом. Подбегает сзади, как обнимет за круп...

– Так рассказываешь, как будто сама там была, – прищу-

рилась Этерина.

– А потому что я там была, – хмыкнула я. – В тот день я вместе с отчимом приехала раньше всех. И меня Ольга Николаевна оправила мусор с площадки собирать, пока вахта не приехала. С конкурного поля, в смысле, он же прямо напротив левады был. Я когда увидела, куда Алиночка ломанулась, заверещала, как могла, мешок бросила и бегом в конюшню. Только добежать я не успела.

– Лягнул?

– Лягнул. Как раз, когда тренер крики услышала и из конюшни вышла. Алиночка совсем маленькая была, миниатюрная такая. Ей много не надо. Он её отлягнул, испугался, а она прямо в забор отлетела. Хребет себе сломала.

– И что? На месте умерла?

– В скорой умерла, по дороге в больницу. От внутреннего кровотечения – он ногами прям в живот попал. Да и там сказали, что такой перелом был не совместим с жизнью.

– И родители видели?

– Я видела, Ольга Николаевна видела, родители видели. Марина Станиславовна – познакомилась уже с ней? Это наш директор – короче, она тогда чуть не уволилась. Родители в суд подали на конюшню. Но юристы помогли, родители сами за девочку расписались в технике безопасности, и Алиночка расписалась, что знает правила. А там прям пунктов десять было нарушено. И крик на конюшне, и бег на территории, и нахождение в леваде, и контакт с лошадью без тре-

нера, и подошла она с крупа – это по камерам даже видно – и резкие движения в присутствии лошади, и нарушение запрета тренера... Плюс, в тот момент на конюшне были родители её, а значит, на тренере за девочку ответственности не было. Тренер за детей отвечает только тогда, когда их родителей при них нет. Короче, уволить её не смогли, конюшню закрыть не смогли, штраф не смогли выбить, но папа богатый, чем-то грозился Марине Станиславовне.

– И как договорились в итоге?

– Да очень просто договорились, – слова стали даваться мне трудно. – Эдельвейса застрелили. У нас тогда тренировку отменили, а его застрелили. Потому что он, мол, опасный был.

Этерина опустила взгляд.

– Жаль жеребца, ни в чем не виноват был... – пробормотала она. – Но почему не усыпили? Стрелять зачем?

– Я не знаю, зачем, – сказала я и отвернулась.

Конечно, Ольга Николаевна уже рассказала Этерине эту историю. Она её всегда всем рассказывала.

3

Я закрыла за собой дверь пустого кабинета №42 и уселась за первую парту первого ряда – напротив вечно разгребающей документы и тетради Любови Михайловны.

– Ну рассказывай, Александра! – сказала она. – Как прошла олимпиада?

Каждый год я участвовала во всех городских олимпиадах, конкурсах и прочих мероприятиях по литературе. И каждый год они стабильно меня бесили.

Час олимпиады всегда шёл за три, и схема всегда была одна и та же. Школьников пытали тестами по литературе с предполагаемым единственно верным вариантом ответа, а сразу после этого пытались выжать из бедных детей внезапную широту взглядов в сочинениях на заданную тему. Правда, широта взглядов учащихся не должна была выходить за рамки существующих методичек.

Втайне я мечтала дать всем детям абсолютную свободу слова и обсудить искренне любимую мной литературу так, как её действительно воспринимали школьники.

«Думаю, Лермонтов был психически не стабилен и нуждался в профессиональной помощи».

«По-моему, Блок не сочувствует нищим, а наоборот, ставит их ниже себя».

«Я не понимаю Маяковского».

«Почему Цветаева так грустит о любви? В любви нет ничего грустного!».

Но нет – из года в год я копалась в строфах и строках в поисках спрятанного смысла. Из года в год я благополучно оставалась в рамках существующих рецензий из учебников литературы и имела отточенное и согласованное с классной руководительницей мнение, стабильно выигрывающее на всех этих литературных карнавалах.

– Да все нормально, – пробубнила я, грея руки о горячую кружку серого чая из пакетика. – Тест был лёгкий. Как всегда. Стихотворение неинтересное в этот раз, Фет. Не люблю Фета.

Я заткнулась, рассматривая еле заметные чайные листья на дне кружки.

– Ну? А сочинение? Давай выкладывай!

– А сочинение по «Капитанской дочке».

– Вот повезло! – ахнула Любовь Михайловна. – Пригодились рецензии? Ох, да ты на первое место наверняка написала! Вот это мы угадали, а?

Я не хотела прерывать её поток радости и предвкушения окружного этапа олимпиады в Хантах. Или в Тюмени? Видимо, я слишком долго исподлобья смотрела на неё: Любовь Михайловна осеклась и внимательно заглянула мне прямо в душу.

– Ты же воспользовалась критикой «Капитанской дочки» в сочинении? Которую я вчера тебе дала?

Я молчала.

– Так?

– Нет, Любовь Михайловна, не воспользовалась.

– Как это? – она всплеснула руками по-стариковски, как делают классические киношные бабушки из глухих русских селений. – Ты ведь их прочитала? Все?

Мы смотрели друг другу в глаза секунд десять. Я слышала тиканье стрелки на настенных часах.

– Нет. Я вчера не успела их прочитать.

Собственный голос показался мне чужим. Я знала, как Любовь Михайловна радела за мои успехи в литературе. Каждый раз, когда я подводила её, я готова была провалиться сквозь землю от стыда. Это было сравнимо с тем, как если бы я подвела родную маму.

– Чем же ты занималась вчера весь день, раз не успела прочитать? – голос её зазвенел холодом.

Я промолчала. Она и так знает, чем я могла заниматься.

– На конный поехала, да? – спросила она.

– Да.

Я выдохнула.

Любовь Михайловна грузно встала из-за стола и прошлась вдоль чёрной доски.

– А чего ты ждала, Саша? – серьёзно спросила она, обернувшись ко мне. – Что у тебя, как всегда, всё получится на одной интуиции? На чутье на твоём?

Я пристыженно отмалчивалась.

– Я могу понять, что ты пропускаешь домашние задания по русскому и литературе. Я этого не приму и не одобрю, но могу понять. Пока твои оценки не страдают, я молчу.

Она развернулась ко мне и сделала два шага к учительскому столу, громко отстукивая по полу каблуками.

– Но ты хоть понимаешь, что на городской олимпиаде так не работает? Там – другой уровень! Это в школе тебе всё легко, всё – походя! А там сидят равные тебе! Там пишут сочинения дети такие же талантливые, как и ты! И они упорно работают над собой изо дня в день. Потому что если талант пустить на самотёк, то он ничего стоить не будет!

– Я разве не работаю? – я подняла глаза.

– Работаешь, – кивнула Любовь Михайловна. – Работаешь! Когда тебе это выгодно или не лень! И когда тебя не отвлекают лошади!

Я резко выпрямилась за партой, поясница слегка прогнулась, плечи расправились. Подбородок, насупленный, дёрнулся вверх.

– Что, простите? – уточнила я.

– Да, дорогая, когда тебя не отвлекают твои лошади! – отчеканила классная. – Пойми меня правильно, ты знаешь, я очень тобой горжусь за то, что ты занимаешься конным спортом. Но никакой на свете спорт не должен идти в ущерб твоему таланту.

– А если конный спорт – это мой талант? – процедила я. – Вы не думали об этом, а, Любовь Михайловна? Может быть,

я гораздо счастливее там, на конном, чем здесь, на уроках и олимпиадах?

Любовь Михайловна села за свой стол, оперлась на локти и наклонилась ко мне:

– А никто и не говорит, что ты должна быть здесь счастливой. Ты должна быть успешной! Как ты не понимаешь? Хорошие оценки, выигранные олимпиады, особенно региональные, позволят тебе поступить на бюджет в хороший университет. Ты станешь профессионалом, окончишь хорошо, найдёшь работу с отличной зарплатой. Понимаешь? А что даст тебе твой конный? Кроме спортивных разрядов, здоровья и счастливого твоего настроения? А?

Я молча сверлила её глазами, до конца не понимая, всерьёз ли наша Любовь Михайловна мне всё это высказывает. Раньше её нравоучения не выходили за пределы школы, а сейчас она взялась рассказывать мне за всю мою жизнь.

– Твой конный тебя не прокормит! – резюмировала она.

– А литература, по-вашему, прокормит?

Любовь Михайловна вопросительно уставилась на меня.

– Я спрашиваю, литература, по-вашему, прокормит? – повторила я уже громче. – Вот вас бы она прокормила, а, Любовь Михайловна? Если бы ваш муж не был федеральным судьёй, вы бы смогли жить в той квартире, в которой живете, как думаете?

– Да как ты...

– Я не договорила! – вскочила я из-за парты. – Кем я мо-

гу статью с вашей литературой? Писательницей? Журналисткой? Филологом? Лингвистом? Может быть, учителем русского языка и литературы? М? Как вы считаете?

Любовь Михайловна пыталась вставить слово, но меня уже было не остановить. Умом я понимала: то, что я сейчас говорю, мне ещё триста раз аукнется. Но Остапа понесло.

– Из меня не получится ни юрист, ни экономист, вы об этом знаете. Литературный талант? Оглянитесь вокруг, Любовь Михайловна! Ваш этот литературный талант сегодня не стоит ни гроша!

У двери кабинета я остановилась, обернулась и добавила:

– В отличие от конного. Конный хотя бы дает мне перспективы на спортивное будущее. А где спорт – там и деньги, правда?

Думаю, челюсть моей классной руководительницы захлопнулась одновременно с дверью нашего кабинета.

Удивительно, но с Этериной мы стали общаться гораздо больше и как-то даже веселее, чем с Алёной. Честно говоря, я и чувствовала себя совсем по-другому. Мне не надо было ловить каждое её слово и постоянно пытаться отыскать подтверждение тому, что мы – друзья. Что я могу называть её своей подругой.

С Этериной всё было совсем просто. Она просто подходила ко мне каждый день с какими-то шутками или сплетнями, приносила почитать и обсудить журнал «Конный Мир», давала советы, когда у меня что-то не получалось на тренировке. А я и рада была – с каждой тренировкой Этерина показывала всё более выдающиеся результаты, и её быстро закрепили за Даром, красавцем орловским рысаком. Я хотела бы так же ловко справляться с самыми капризными лошадьми, как справлялась она.

Видимо, Алёна всё-таки считала меня своей подругой и не сильно радовалась, что я теперь дружу с новенькой. Поэтому, когда мы уносили препятствия из манежа, она подскочила ко мне, схватила меня за руку и, подмигнув, крикнула:

– Давайте попрыгаем!

Мы, девчонки из конного спорта, довольно странные сами по себе. На конюшне не задерживались дети, которые не схо-

дили с ума от лошадей. Я не знаю, почему. Может, не выдерживали темпа тренировок или не хотели помогать по конюшне. В общем, мы все были явно одержимы – и особенно прыжками.

Поэтому вся группа тут же подхватила идею. Алёна, не дожидаясь приглашения, запрыгнула ко мне на спину, плотно обхватив меня ногами, и заулюлюкала. Почти все остальные девочки тоже разбились по парам и стали изображать из себя всадника и лошадь, которые собираются перепрыгнуть препятствия. Одна Этерина стояла у входа в манеж, скрестив руки на груди, и как-то неопределённо ухмылялась.

– Сашка, вперёд, на крестовик¹⁶! – скомандовала Алёна, шуточно взмахнув рукой.

Я изобразила взбрыкивание и понеслась на барьер. Сказать по правде, скакать под Алёной мне было тяжело. Это лошадям наш вес кажется ничтожным – им прыгать с человеком на спине всё равно что присесть с гантелькой. А мне вес Алёны ничтожным вообще не казался. Но я виду не подавала, бодро изображала галоп и перепрыгивала через крестик. Мы хохотали, взвизгивали и бегали наперегонки – в общем, были вполне себе счастливы.

– Алёна! – раздался крик Ольги Николаевны за моей спиной. Я с перепугу остановилась как вкопанная, и Алёна сползла с моей спины.

¹⁶ Один из вариантов названий препятствия, где две жерди прикреплены к стойкам только с одной стороны и образуют крест.

– Алёна-Алёна, – рассмеялась тренер каким-то зловещим тоном. – Ну чего ты за Сашу прячешься! Твои волосы белые с улицы видать!

Мы виновато развернулись лицом к тренеру. Сейчас покажет.

– Мы технику безопасности помним, барышни? – крикнула она.

Девчонки сгруппировались в кучку и синхронно закивали.

– Можно шуметь на конюшне, скажите мне, барышни? – продолжала тренер.

Мы замотали головой. Видимо, произносить что-то вслух не хотел никто.

Тут произошло невероятное: Этерина сдвинулась со своего места и медленно подошла к тренеру. Они о чём-то тихо поговорили – чёрт его знает, о чём. Я не понимала по их жестам, что за диалог они ведут. Но тут Ольга Николаевна махнула рукой и крикнула:

– Всем по сто приседаний, барышни! Этерине тоже!

И ушла.

Этерина, покачивая головой и гогоча, спустилась к нам. Мы, конечно, стаей рванули к ней. Что бы она ни говорила тренеру, в моих глазах было невероятной смелостью вот так запросто взять и подойти к ТРЕНЕРУ. Самой. И что-то такое сказать. Разве это не нарушение дисциплины?

– Да тихо вы, – отмахнулась Этерина от наших вопросов

и жестом попросила нас притихнуть. – Я просто думала, может, договорюсь. Жалко вас. Так прыгали круто! – она посмотрела на меня и затем на Алёну. – Но с террористами переговоров не ведут. Давайте приседаемся!

Наказания в духе сотни приседаний или десяти кругов по манежу бегом были в духе Ольги Николаевны. С одной стороны, дисциплина, с другой – физподготовка. Одни плюсы!

Мы старались больше не шуметь – это действительно запрещено по технике безопасности – но не смеяться мы просто не могли. Этерина встала рядом со мной и Алёной и время от времени щипала кого-то из нас, от чего мы непроизвольно взвизгивали и тут же закрывали себе ладонью рот.

Я пару раз пыталась пошутить, чтобы поддержать атмосферу хохота, но тут же спохватывалась, краснела и затыкалась. И что со мной не так? Вот сейчас не понравлюсь Этерине, и больше у меня вообще друзей не будет.

– Ой, девки, – выдохнула Этерина где-то на девяносто пятом приседании и плюхнулась на землю. – Сашка, Алёнка, а пойдёмте завтра гулять?

– Пойдёмте, – рассмеялась Алёна, похлопав себя по ногам. – Если я, конечно, смогу ходить.

Я уставилась на неё во все глаза. Так это было так просто? Надо было всего лишь позвать?

Я обожала чаепития в тренерской. Только когда кто-то из упавших спортсменов приносил тортик в качестве компенсации своего спортивного провала, мы все забывали о внутренних междоусобицах и становились единой целой командой.

Старшие спортсменки хихикали вместе с нами, девчатами из младшей группы, и никто не пытался поспорить с одним-единственным мальчишкой в нашем коллективе – неразговорчивым семнадцатилетним Славиком, на котором мы отыгрывались за обиды на весь род мужской. Тренер – наша богиня и безусловный генерал клуба – сидела с нами за одним столом и искренне интересовалась, как у нас дела. Только с Мариной Станиславовной – исполнительным директором ДЮКСК «Белый всадник» – никто особой связи не чувствовал даже в такие семейные моменты.

Мы сидели втроем в ряд – я, Алёна и Этери. За пару недель, которые прошли с наших безумств в манеже, мы с ней заметно сблизились. Алёне она, правда, сначала не очень понравилась, но пара совместных выравниваний манежного грунта с помощью простых лопат и грабель – и мы втроем стали не разлей вода.

– У меня для вас новости, – сказала старшая спортсменка Лена, звезда «Белого всадника». – Через неделю я переезжаю

в Москву.

Слова отдались звоном по маленькому помещению с холодными голубыми стенами. Все разом замолкли, обернулись на Ольгу Николаевну и даже перестали жевать бисквитный торт.

Тишина стояла с минуту. Её нарушила Этерина:

– Кто же тогда сядет на Хеппигуль?

Девчонки перестали сверлить взглядом Лену и Ольгу Николаевну и хором повернулись на новенькую. Этерина была спортсменкой «Белого всадника» всего неделю, а уже без спросу лезла в тонкости иерархии нашего клуба.

Все дети, занимающиеся в детско-юношеском конноспортивном клубе «Белый всадник», делились на спортивные и учебные группы. Учебная группа была одна – для новичков. Спортивных групп было две – младшая и старшая. В спортивных группах тренировки проходили более системно: каждая спортсменка была закреплена за определённой лошастью, так образовывались спортивные пары. Работа спортсменов отличалась от работы в учебной группе тем, что преследовала конкретную соревновательную цель: что-то выиграть, получить разряд, развить навыки лошади. А новички из учебной группы просто старались не выпасть из седла.

Так вот, последние пару лет самой знаменитой спортивной парой «Белого всадника» считались Лена и Хеппигуль. Сама Лена была отвратительной девушкой, но первокласс-

ной спортсменкой. Она не боялась вообще ничего, обладала железными нервами и молниеносной реакцией. Хеппигуль была знаменита на весь Ханты-Мансийский Автономный Округ. Порода у кобылы была удачной, но очень редкой – помесь немецкого тракена, известного техникой в прыжке, и восточного ахалтекинца, известного невероятной скоростью и лёгкостью в движении.

Вместе Лена и Хеппигуль были непобедимы. Они годами выигрывали каждый окружной чемпионат по конкуру, и конюшни всей Тюменской области спали и видели, как одна из них заболает и пропустит какие-нибудь соревнования.

И вот, Лена выбывает из игры, а Хеппигуль снова свободна.

Для любой из нас сесть на Хеппигуль – значит получить кандидата в мастера спорта уже к осени, к концу этого соревновательного сезона.

Видимо, о чём-то таком и думали все затихшие девочки из обеих спортивных групп.

– Это неожиданная новость, – сказала Лене Марина Станиславовна. Она даже бровью не повела – может быть, знала обо всём заранее?

– Пока что место спортсмена на Хеппигуль займу я сама, – ответила Ольга Николаевна на вопрос Этерины. – Но после соревнований в Хантах я выберу для неё новую спортсменку.

На этом тренер собиралась закончить разговор: она вернулась к своей пластиковой тарелке с тортом. Но Этерину

не устроил такой ответ:

– А чем будете руководствоваться при выборе спортсменки, можно узнать?

Ольга Николаевна посмотрела на неё резко и довольно оценивающе. С её лица пропала лёгкая улыбка. Я боялась такого взгляда тренера и всегда старалась его избегать. Закон клуба гласил: «Исполняй приказы и не задавай вопросов».

– Конечно, можно, – после паузы улыбнулась Ольга Николаевна. – Сейчас у нас есть прекрасно сформированные спортивные пары. При выборе спортсмена нужно будет сохранить этот баланс. Иначе мы много ресурсов затратим на то, чтобы новые спортсмены привыкли к новым лошадям. Открытие стартового сезона на носу, мы не можем себе такой роскоши позволить.

– Эх, Лена, что ж ты в октябре не ушла? – хихикнула Алёна. Я всегда завидовала её непринуждённости в общении буквально со всеми.

– Надеюсь, я ответила на твой вопрос? – спросила тренер у Этерины.

– Да, спасибо, ответили, – буркнула она. Все сделали вид, что расслабились, но я чувствовала, как переглядываются между собой девочки.

Я знаю всех девчонок в клубе. Каждая из нас способна на что угодно за прямой билет в КМС¹⁷.

¹⁷ Кандидат в мастера спорта.

6

У доски я чувствовала себя неудобно.

– Я хочу связать свою жизнь с конным спортом, – прочитала я первую строчку доклада. Ирина Геннадьевна, неприемлемая учительница истории и обществоведения, оторвала выцветшие глаза от классного журнала и уставилась на меня.

– Я хочу связать свою жизнь с конным спортом, – громче, но уже не так уверенно повторила я. Поднять глаза и посмотреть на одноклассников я не решалась. – Конный спорт – это олимпийский вид спорта, включающий в себя несколько дисциплин и направлений. Среди направлений выделяют два наиболее распространённых: английская езда и вестерн. В России распространена английская классическая езда. До распада Советского Союза были популярны такие отдельные дисциплины, как скачки и их разновидности. Например, существовали советские сборные по стипль-чезу и бегам. Я уже четыре года занимаюсь конкуром – это олимпийская дисциплина классической английской езды, которая подразумевает преодоление препятствий верхом на лошади на чистоту и скорость. Конкур является такой же популярной дисциплиной конного спорта, как и выездка – обучение лошади усложнённым аллюрам и их последовательная демонстрация в ограниченном пространстве.

Я прервалась, услышав краем уха разговоры в дальнем конце класса. Ирина Геннадьевна не обратила на них внимания. Впрочем, она не обращала внимания и на меня.

– В летние Олимпийские игры включены три дисциплины – конкур, выездка и кросс, то есть преодоление природных барьеров на пересечённой местности. В России соревнования по всем трём дисциплинам проводятся только в крупнейших конных центрах, например, в Национальном конном парке в Москве. Куда более популярны конкур или выездка. Некоторые спортсмены удачно совмещают оба вида спорта, так как такое совмещение дает и всаднику, и лошади дополнительные преимущества на соревнованиях.

– Хорошо, – прервала меня Ирина Геннадьевна. – Мы поняли. Расскажи лучше, как ты видишь собственное продвижение по спортивной лестнице. Ты собираешься поступать в физкультурный университет?

– Нет, к сожалению, в России нет направлений по конному спорту в университетах...

– Тогда какое ты собираешься получать образование? Сельскохозяйственные академии, ветеринарное?

Меня передёрнуло. Высшим оскорблением для меня было уравнивание карьеры в конном спорте с поступлением в сельскохозяйственную академию.

– Извините, конечно, но лошадь – не корова, чтобы в сельхоз поступать, – с холодком сказала я, снова разворачивая перед собой доклад. – Образование в сфере конного спор-

та на сегодняшний день можно получить только за рубежом. Вообще лидеры в выездке и конкуре – это Англия и Германия. В Англии можно получить высшее образование, там есть несколько направлений, они больше связаны с генетикой и разведением спортивных пород. В Германии можно получить средне-специальное образование спортсмена в любой дисциплине.

– И тебя родители отправят учиться в Германию? Или в Англию? – ехидно поинтересовалась Ирина Геннадьевна под дружный смехок моих одноклассников.

– Нет, – я покраснела. – У нас нет такой возможности. Но для того, чтобы попасть, например, в сборную Югры, а потом и в сборную России, мне не нужно высшее или средне-специальное образование, мне нужны спортивные разряды и рейтинг в Федерации конного спорта. А уже с высоким рейтингом в международной Федерации я могу получить льготы на обучение в профильных учебных заведениях.

– Звучит красиво, – с усмешкой отозвалась учительница. – А из чего будет состоять твой заработок?

– Из спортивных субсидий, грантов и выигрышей, плюс, спортивные клубы платят выступающим спортсменам. Также я могу брать плату за подготовку чужих лошадей и за частные уроки.

– Не густо... Ладно, можешь садиться.

Я на нетвёрдых ногах двинулась к третьей парте третьего ряда. Взгляды одноклассников я чувствовала кожей, их

смешки и едкие перешёптывания заставляли меня краснеть и потеть в три раза обильнее нормы.

– Саша, скажу честно, всё это курам на смех, – резюмировала Ирина Геннадьевна, как только я опустилась на стул. – Вижу, что ты подготовилась, поэтому поставлю четвёрку с минусом. За старание. Но если такая умная девочка, как ты, отправится лошадей всю жизнь чистить... Без образования! Такие мечты, Саша, до добра не доводят. У тебя есть все шансы поступить на бюджет, обеспечить себе тыл на всю жизнь в виде надёжной профессии! А ты что собираешься делать? А если травма? Или ребенка родишь? Ты же не сможешь работать несколько лет, это же не офис! Нет, Саша, надеюсь, это твои юношеские фантазии, а не реальный план на жизнь...

Я пыталась сдержать слёзный комок, который уже подступил к горлу и нестерпимо давил. Глаз от парты я не отрывала – и без того знала и слышала, что одноклассники надо мной посмеиваются. По ушам несколько раз резануло слово «сельхозка».

Раньше я никогда не ездила на соревнования в Ханты и никогда не грузила коней в коневоз. Прямо скажем, я понятия не имела, как это делается. Поэтому я даже обрадовалась, когда Ольга Николаевна отправила меня упаковывать парадные бинты и вальтрапы¹⁸ вместо того, чтобы тащить Лорда в огромную фуру.

Мы не каждый день грузили кого бы то ни было в коневоз, так что заняться вальтрапами и бинтами я предпочла на улице. Устроившись на лавочке около парковки, я сощурилась от яркого солнца и приготовилась наблюдать за шоу.

Процедура погрузки в коневоз может привести в ужас любую лошадь. Во-первых, лошади боятся замкнутых пространств и темноты. А кузов большого грузовика – это, можно сказать, концентрированный раствор замкнутого пространства и темноты. Во-вторых, лошадь чувствует себя уязвимой, если не стоит на твёрдой поверхности. Поэтому многие кони избегают луж, льда, песка и сугробов. А тут – хилый деревянный трап и неубедительное днище грузовика. Плюс, каждое погружение в коневоз сопровождается спешкой и волнением, а лошади чувствуют волнение так же, как мы чувствуем запах жареного мяса. Эмоции для лошадей –

¹⁸ Вальтрап – грубо говоря, кусок стёганной ткани, который подкладывают под седло, чтобы оно не натёрло спину лошади.

их родной язык. Они моментально схватывают, что дело нечисто, и начинают волноваться за всех нас.

И тут уж кому повезет с лошадыю.

Первой грузили Хеппигуль – ту самую звезду «Белого всадника», тонкую и изящную, как со старинной гравюры. Она имела репутацию законченной истерички: капризной, как настоящая прима-балерина. Поэтому, прежде чем встать на отведенное ей место в гигантском восьмиместном коневозе, она устроила настоящий разнос, трижды шарахнулась от трапа в разные стороны и зашла только после того, как её лучший друг Багульник был успешно водружён в этот страшный грузовик.

Багульник, кстати, зашёл без пререканий. Он был достаточно молодым, но при этом спокойным, как почти двадцатилетний Гузар. Гузар, как мне показалось, вообще не заметил, куда его привела Алёна, и задремал сразу, как только его закрепили у пучка с сеном.

Дар, белоснежный орловский жеребец, тоже устроил небольшую комедию в двух актах. Его вела Этерина и не давала ступить ему и шагу в сторону от себя. Сначала он заупрямился и прикинулся, будто смертельно чего-то испугался. За что схлопотал от Этерины смачный пинок под зад, а Этерина – крепкую ругань от Ольги Николаевны. Но, как бы ни досталось Этери за её жестокость, метод действовал, и Дар беспрекословно зашел в коневоз с такой харизматичной уверенностью, словно поднимался по этому

злополучному трапу каждый день.

Настоящая драма развернулась, когда пришла очередь Лорда.

Для начала его выводили втроем. Старшая спортсменка Наташа, крепкая и самая высокая, вела его под уздцы, в тяжелом железе, а не в недоуздке. Единственный пацан на конюшне Славик шёл по правую сторону от его крупы, крепко сжимая в руках метровый хлыст. Замыкала процессию Ольга Николаевна: тренер держалась ровно позади коня, сохраняя безопасную дистанцию в два метра, и держала свистящий шамбарьер¹⁹ в боевом положении.

Но Лорд категорически пресёк все их попытки подвести его к трапу. Как только он понял, что задумали его конвоиры, тут же перестал играть в прилежного арестанта и дал дёру так умело, что снес с ног силачку-Наташу, опрокинул ругнувшегося Славика и почти скрылся от Ольги Николаевны, которая чудом успела схватить его за уздечку и звонко заехала шамбарьерной верёвкой по его угловатому крупу.

Вторая попытка погружения была отвергнута ещё более жестоко. Ольга Николаевна приманивала его на сахар, пока девочки, страхуя одна другую, подталкивали его к трапу. Он снова притворился, что ведётся на эту древнюю как мир уловку, и сделал три шага навстречу коневозу. Но, как толь-

¹⁹ Шамбарьер – длинный полутора-двухметровый хлыст с такой же длинной верёвкой на конце. Используется для работы с лошадьми на расстоянии. Напоминает удочку.

ко он получил первый кусочек рафинада, он с силой толкнул руку нашего тренера, выхватил своей жуткой пастью целую горсть сахара, вскинулся на дыбы во весь ненормальный рост, снова уронил своих конвоиров и в секунду отскочил на двадцать метров влево.

Третья попытка была куда менее гуманной. Разозлившаяся Ольга Николаевна отложила в сторону лёгкий шамбарьер, который призван скорее напугать лошадь, чем действительно причинить ей боль, и взяла жутковатый сыромятный бич – самое опасное оружие, которое лично мне доводилось видеть в чьих-либо руках. Покручивая короткую рукоятку, как рыцарь покручивает меч перед боем, Ольга Николаевна выверенным шагом приблизилась к Лорду, который уже флегматично жевал траву. Он подпустил её к себе, не заметив бич, так что она успела схватить его за повод и трижды засветить ему по крупу с такой силой, что я испугалась – вдруг у него останутся кровавые следы.

Лорд такой подлости не ожидал. От возмущения он подпрыгнул на месте, но стоило Ольге Николаевне снова замахнуться на него, как он вдруг замер, испугавшись, как бы не прилетело четвёртого удара. Он покорно проследовал за ней почти до самого трапа, но, как только тренер отвернулась, чтобы положить на землю бич и зайти на трап, он так резко дёрнулся назад, что никто из троих караулящих и четверых зевак не успел его остановить.

Я успела только рот разинуть, как он вдруг навис надо

мною с самым дружелюбным и невинным выражением морды, которое я когда-либо у него видела. С бинтами и вальтрапами было покончено, и теперь я укладывала в свою дорожную сумку вещи из раздевалки, которые могут понадобиться мне раньше, чем мы разгрузим коней в Ханты-Мансийске. Среди этих вещей был сахар, и этот факт от Лорда было невозможно утаить. Проиигнорировав моё присутствие, он бесцеремонно ткнул серебряным носом в мою чёрную сумку. Лорд как будто говорил: «Всё, что принадлежит тебе, принадлежит и мне тоже. Поэтому сейчас я заберу, что мне нужно, сам».

От такой наглости я зачем-то ущипнула его за нос. Это произошло машинально, я даже логики не уловила в своих действиях. Видимо, Лорд тоже ничего не понял – он медленно оторвал нос от сумки, поднял голову и непонимающе уставился на меня.

– Что? – спросила я. – Думал, только тебе можно кусаться?

С этими словами я с силой дёрнула его за ухо. Пока он возмущенно мотал головой, выдернула сумку и отбросила её за зону его досягаемости. Лорд игриво подпрыгнул на месте, чуть не приземлившись на мою ногу. Он издал воинственный рёв, прижал уши и в пару прыжков оказался около сумки. Я же, сжимая в руках заветный пакет с сахаром, стояла позади него и нетерпеливо ждала, пока он заметит подвох.

– Эй, Лариска, – крикнула я ему, – ты это ищешь?

Лорд принял ещё более игривый вид – с таким он обычно

гонял нашего конюшенного пса Джека – и воздушной рысью прибежал ко мне. Я уже мысленно простилась с этим миром, понимая, что отобрать у меня сахар – задача для него неприлично простая. Но, видимо, настала моя очередь удивляться, потому что Лорд тактично остановился в метре от меня, опустил голову так низко, что я смотрела на него теперь сверху вниз, и неестественно громко фыркнул.

Он не собирался отбирать у меня сахар силой. Он собирался его выиграть. И теперь он просто ждал от меня инструкций: что ему нужно сделать, чтобы получить сахар?

В совершенном недоумении я обернулась в сторону коневоза, надеясь встретиться взглядом с Ольгой Николаевной. И удивилась ещё сильнее, обнаружив, что рядом с тренером стоят все спортсменки, водитель коневоза, дядя Паша и даже Марина Станиславовна, которая, видимо, вышла из своего офиса, увидев наши игры в окно.

– Саша, пробуй его на трап заманить! – крикнула мне Ольга Николаевна.

Мысленно представив себя летящей через забор в навозную кучу, я сразу отказалась от идеи брать его за повод. Поэтому я, покрепче зажав в руках пакет с рафинадом, прыгнула под его живот и ущипнула коня за бок. Лорд перешагнул с ноги на ногу и попытался достать меня махом своей головы.

Так мы и танцевали в сторону коневоза.

Я, юркая и быстрая, крутилась вокруг его ног, пряталась

у него под животом и выныривала с разных сторон. Он, атлант в мире лошадей, гарцевал на месте, шагал так, чтобы получилось и меня не задеть, и сахар у меня выцепить. Я юлила вокруг него, как на минном поле – в любой момент он мог убежать, сбив меня с ног, мог выхватить у меня сахар, мог меня ударить, мог сам запутаться в болтающемся поводе и навредить нам обоим.

Но он был даже осторожнее, чем в моменты игры с Джеком, которого, как мы все знали, он любил больше всех на этой конюшне. Я видела, как он напрягает мышцы, чтобы задержаться в воздухе дольше и дать мне улизнуть из-под его ног. Я скормила ему примерно три куска сахара к тому моменту, как мы оказались у подножия трапа.

Будто завершая наш танец, у самого коневоза мы синхронно остановились. Я – в исходной позиции, по левую сторону его головы, положив руку ему на шею и переводя дыхание, как гимнастка, завершившая номер. Он – по стойке смирно, с отставленной назад правой задней, вытянув хвост, будто позировал для портрета эпохи Возрождения. Лорд внимательно осмотрел коневоз, затем перевёл взгляд на меня, прижал уши и слегка опустил голову.

Я не двигалась.

Ему нужно было решить самому. Я уже не могла себе представить, что когда-нибудь ударю его.

– Чего стоим? – спросила Ольга Николаевна. – Хватай его за повод, и на трап!

Но я проигнорировала приказ тренера и продолжила стоять по стойке смирно. Лорд точно понял, что она имела в виду. Одним ухом он дёрнул в её сторону, другое направил на меня. Глаз с меня он не спускал. Я ждала – теперь и он ждал.

Я не притронулась к поводу, оставив его болтаться на широкой шее.

– Ты должен решить сам, – отчётливо проговорила я. – Я не держу тебя, ты можешь вернуться домой.

Он повернул оба уха на меня, как будто насторожился.

– Ты должен выбрать, – продолжила я, – или мы с тобой вместе едем в Ханты, или ты остаешься дома, а я уезжаю без тебя, и целую неделю ты будешь торчать в деннике даже без Дара по соседству и смотреть в окно. Никто не будет на тебе ездить и выпускать гулять тебя не будут, ты уже натворил дел. Делай выбор. Ты не дурак, я знаю.

Мы продолжали играть в гляделки, всматриваясь друг другу в глаза. Тренер больше ничего мне не говорила, хотя я только что нарушила с десятков правил техники безопасности. Молчали и остальные наши зрители. Я смотрела на Лорда, Лорд смотрел на меня, а толпа смотрела на нас обоих.

Лорд прервал нашу игру первым: он шумно фыркнул и отвернулся от меня, оставшись стоять на месте. Голову он опустил совсем близко ко мне, носом сравнившись с моим локтем. Я перевела это так:

– Сам я никуда не пойду. Дурака нашла. Давай сделаем

так: ты меня заведешь, а я позволю тебе себя завести.

Я улыбнулась куда-то в сторону. Испугалась: вдруг он передумает, если он заметит мою торжествующую улыбку?

Осторожно, одними пальцами я прикоснулась к кожаному поводу. Поняв, что Лорд действительно стоит на месте и даже не думает шевелиться, я схватила повод всей ладонью и машинальным движением перекинула его через его голову, сняв с шеи. Повод, проделав красивый полукруг, плюхнулся в мою левую руку.

Я не стала брать его под уздцы²⁰. Держать самый кончик поводка мне было достаточно. С фальшивой твёрдостью я сделала первый шаг на расшатанный трап. Лорд двинулся с места только тогда, когда повод до отказа натянулся, а я обеими ногами стояла в коневозе.

А ведь я никогда никого не грузила в коневоз и понятия не имела, как это вообще делается.

Когда я вышла из коневоза, как солдат с линии огня, реакция моих зрителей меня разочаровала. Водители уже ушли в зону для курения, Марины Станиславовны нигде не было видно, старшие девочки несли упакованные мной вальтрапы и бинты, а Ольга Николаевна была занята трапом и не обратила на меня внимания. Правда, Алёна смотрела на меня с нескрываемым восхищением, а Этерина ухмыльнулась, что в её случае можно было считать одобрением. Только в ма-

²⁰ Т.е. брать в руку повод под самой головой лошади. Считается правильным положением руки на поводке по технике безопасности.

шине Ольга Николаевна сказала:

– Саша, ты молодец! Я сделала правильный выбор, ты это доказала. Я уже и не думала, что ты поладишь с Лордом.

– Уже никто не думал, – усмехнувшись, добавила Этери.

Когда первый день на роскошном ипподроме Ханты-Мансийска подошёл к концу, мы с Алёной и Этериной растянулись на своих кроватях.

– Вы слышали, как Ольга Николаевна нас сегодня Святой Троицей назвала? – спросила я.

– Когда? – Этерина звучно зевнула.

– Когда знакомила с этим... тренером местным и спортсменом его...

Я покраснела, вспомнив это знакомство. Хорошо, что свет мы уже выключили и девчонки этого не заметили.

– С Женей что ли? – спросила Алёна. У неё тоже был очень уставший голос.

– Да, с ним.

Мы синхронно вздохнули и рассмеялись. Местный спортсмен Женя Баренцев действительно стал для нас сюрпризом: мы и так были под впечатлением от убранства ханты-мансийского ипподрома с его еврогрунтом на площадках, тоненькими пёстрыми барьерами и фигурными решётками на денниках. Так ещё и он – галопировал на плацу, когда мы подошли отчитаться перед Ольгой Николаевной.

Он не имел ничего общего с теми мальчишками, которых мы в принципе могли видеть в «Белом всаднике». Да и на моих одноклассников он был совсем не похож. Черты его лица

с большого расстояния были плохо различимы, они сливались для меня в какую-то единую идеальную маску. Его движения меня заворожали. Он не сутулился как все мальчишки, с которыми мне приходилось общаться – его плечи были расправлены, голова поднята, и весь его корпус легко принимал ритмичные толчки галопа белоснежной кобылы. Он держался в седле настолько безмятежно, будто держать кобылу в строгом собранном аллюре было для него легче, чем писать школьный конспект. Я видела, как напрягались и расслаблялись мышцы на его плечах – это пульсирующее биение бросилось мне в глаза даже сквозь его тонкую чёрную куртку.

– Вот бы у нас такие занимались, да? – спросила Алёна.

– А что, понравился? – я услышала в голосе Этерины ехидные нотки.

– Конечно, понравился. Тебе разве нет?

– Да придурок какой-то, – буркнула Этери. Мы с Алёной переглянулись в темноте и перевели это как «И мне он понравился».

– Интересно, у него есть девушка? – пробормотала Алёна.

– У таких всегда есть девушка, – ответила я.

9

«Раз – раз, два, три – раз – раз, два, три», – считаю я про себя движения пальцев.

Лорд поднимает голову, освобождаясь от усердно построенного мной сбора.

Раз.

Я чувствую, как он закладывается внутрь сильнее, чем нужно для маршрута. С поворота свалить пытается, паразит.

Раз, два, три.

Я выгибаю левую кисть, блокируя его левое плечо – низкий и нечестный приём, Ольга Николаевна всегда ругала меня за это.

Раз.

Лорд понимает, что я предугадала его попытку уйти от прыжка, и в следующий темп галопа резко переносит вес на правое плечо, на ходу меняя ногу. Ритм его галопа сбивается, и перемена ноги отдаёт мне в поясницу неприятным толчком. Ненавижу, когда он так делает.

Раз...

Я упираю правый шенкель ему под ребра с такой силой, что у меня зажимает икроножную мышцу.

Два...

Лорд выравнивается. Следующий темп он явно сделает шире, чем два предыдущих.

Три...

Я не понимаю, где находится точка отталкивания, но не могу довериться Лорду и отпустить повод, поэтому я вжимаюсь в седло до последнего, чтобы не мешать ему в момент прыжка.

Толчок.

Слишком рано. Мы не успеем на следующий барьер.

Я изо всех сил зажимаю шлюсс²¹, до спазма в коленях. Даю ему понять, что нужно сжаться в узком проезде между барьерами тройной системы.

Он приземляется. Отвес²² сто – чисто.

Короткий темп похож на взбрыкивание. Я отпускаю повод.

Толчок. Мы зависаем в воздухе чуть больше обычного – брусья²³ выставлены по стандартным требованиям к широтным барьерам. Девяносто в высоту, сто десять в длину.

Брусья девяносто – чисто.

Я плотно прижимаюсь к седлу, подбирая его перед следующим барьером.

Раз. Два, три. Шенкель!

Последний высотный барьер системы. Мы снова находим-

²¹ Нога всадника от бедра до колена. С помощью шлюсса всадник держится в седле.

²² Высотное препятствие: две стойки и несколько жердей между ними. В этом случае препятствие высотой 100 см.

²³ Высотно-широтное препятствие. Два отвеса стоят рядом, перепрыгнуть нужно сразу оба.

ся в воздухе, я, благодарная, отпускаю повод так сильно, как только хватает рук. Он выгибает шею, вытягивает ноги, и приземляется.

Отвес сто пятнадцать – чисто.

Прямо галопом. Он расслабляется, я возвращаюсь к привычному темпу, принимаю волнообразные толчки галопа мышцами диафрагмы.

Раз. Раз, два, три.

– Отлично! Пошагай! – кричит Ольга Николаевна. – Дар, поехали!

Я отпускаю повод, поднимаюсь на стременах и шумно хлопаю Лорда по шее. Шепчу что-то ласковое. Поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Женей. Он сидит на трибуне и тянет вверх руку с задраным большим пальцем.

Я отворачиваюсь.

Когда я снимала с Лорда уздечку, краем уха услышала голос Алёны – он доносился из амуничника. Мне не терпелось обсудить с ней тренировку, последнюю перед соревнованиями. Быстро ополоснув металлический трензель²⁴ в ближайшем ведре с холодной водой, я схватила тяжёлое седло с влажным от пота вальтрапом наперевес и ворвалась в амуничник.

Но я осеклась, как только попала в поле зрения подружки. Она была не одна, она стояла рядом с Женей.

Я не стала влезать в их разговор: только коротко улыбнулась Алёне, молча повесила седло на нужный кронштейн и развесила вальтрап на сушке. Женя – он был даже выше, чем я думала – покорно держал для Алёны седло Гузара, пока она промазывала приструги²⁵ специальным кремом. Алёна красиво отбрасывала белоснежную косу за плечо и кокетливо смотрела на него из-под идеально уложенной чёлки. Они болтали о какой-то конной чепухе, и голос Алёны показался мне каким-то особенно очаровательным. Казалось, что с нами она разговаривает совершенно иначе: проще, небрежнее и грубее, чем с Женей. Женя же настойчиво распраши-

²⁴ Металлическая часть уздечки, которая помещается лошади в рот. С помощью трензеля всадник управляет лошастью.

²⁵ Часть седла, к которой крепятся подпруги.

вал её о том, как давно она работает с Гузаром, делал комплименты её элегантной посадке и умелому контакту с лошадью.

Я проглотила комок в горле, вышла из амуничника и решила больше ни слова не говорить о Жене, даже если девочки опять заведут о нём разговор.

Лорду явно не хватило лёгкого моциона на корде²⁶. Когда я отпустила его пошагать после тренировки самостоятельно, он пустился в настоящий пляс по вечернему пустому плацу.

Конь остановился в противоположном от меня углу площадки и смачно плюхнулся на землю. Хорошо, что из амуниции на нём была одна уздечка. Седло до утра бы не отмыла.

– Ах ты ж паразит! – взвизгнула я уже на бегу к нему. – А кто тебя драить завтра будет? Вот же свинтус!

Он меня не слушал: мой конь переворачивался с боку на бок, самозабвенно дрыгал в воздухе ногами и тщательно грёб своей на днях вымытой чёрной гривой по мелкому песчаному еврогрунту. Когда я добежала до него, он перестал возиться в грунте, лёг на правый бок и злорадно уставился на меня.

Я остановилась в пяти метрах, боясь спугнуть лежащую лошадь. Лошади – очень пугливые животные, которые веками вынуждены были спасаться бегством от хищников всех размеров и форм. Поэтому лежать лошади предпочитают в состоянии полного покоя, в безопасном месте, где есть только они и проверенные собратья по стаду.

²⁶ Корда – длинная верёвка для работы с лошастью без всадника (или с неопытным всадником). Спортсмен держит в руках корду, пристёгнутую за уздечку, и стоит на месте, лошадь бежит по кругу диаметром обычно 10 метров.

Лорд продолжал лежать. Я сделала ещё два шага ему навстречу – он не пошевелился, только слегка повёл ушами в мою сторону.

Есть два признака, по которым можно определить степень доверия лошади к человеку. Во-первых, лошадь позволяет ему находиться сзади.

Я сделала ещё пару шагов – между нами оставался какой-то метр. Лорд протянул ко мне свою длинную голову и коснулся носом моего живота.

И второй, самый верный и важный признак: лошадь не встаёт в присутствии человека, позволяет ему взаимодействовать с ней даже в лежачем положении.

Я положила руку на его нос, осторожно провела ею по его морде против шерсти, расчесала пальцами его чёлку, и вплотную подошла к его открытому животу. Он продолжал ковырять носом в моей куртке и, видимо, даже не думал в панике сбегать.

Закинула ногу на костлявую спину, обхватила руками за шею и рухнула на него сверху, как на большой рыжий диван.

Он даже ухом не повёл.

Во мне поднялась такая волна тепла, что я готова была разлить её по этому дорогущему еврогрунту как парное молоко. Война между нами была официально закончена. Я прижалась всем телом к его шее и закрыла тяжёлые веки. Он положил голову мне на правую ногу.

Минут через десять я открыла глаза: мне показалось, что на плацу кто-то есть. У выхода на парковку, небрежно облокотившись на белоснежный забор площадки, стоял Женя и смотрел прямо на меня.

Только через целую вечность он понял, что я тоже на него смотрю. Женя вздрогнул, резко оттолкнулся от забора и скрылся в здании конюшни.

Я дрожала как осиновый лист, и Лорд, казалось, дрожал вместе со мной.

Разминка подходила к концу, и мне предстояло ехать первым номером.

Первым. Номером. В свой самый-самый первый в жизни окружной чемпионат.

Ничего пугающего в маршруте не было: высота барьеров до ста сантиметров включительно, восемь препятствий, десять прыжков – всего одна тройная система на весь маршрут – и никаких резких поворотов, что было, конечно, лучшей новостью за сегодня. Маршрут был построен на больших дугах, нам просто предстояло крутиться восьмеркой по огромному плацу. Перепрыжки не было. Я постоянно, ни на минуту не останавливаясь, зубрила про себя порядок прохождения барьеров, пробегая взглядом по ярким полосатым препятствиям, расставленным на кремовом еврогрунте.

Всё это было похоже на трансляцию канала EuroSport, где показывали невероятные соревнования в далёком и непонятном мне Лондоне.

Трибуны были под завязку забиты народом – я и представить себе не могла, что в маленьком Ханты-Мансийске живёт столько любителей конного спорта. Ольга Николаевна без конца повторяла мне:

– Первой ехать лучше всего. Все волнуются, никто ещё не знает, чего ждать. Ты задашь тон всем соревнованиям. Быстрее всех отстреляешься, сделаешь, что можешь, и не будешь равняться на других участников. Зато все другие будут равняться на тебя. Конь у тебя ещё разогретый, горячий, это твоё преимущество!

Я кивала. Нет ничего хуже, чем ехать первым номером.

– Помни, что твоё преимущество – в его длинных темпах, – говорила она. – Не держи коня, просто следи, чтобы он не уходил с линии маршрута и не срезал повороты.

Я снова кивала и боялась, что не пойму и не запомню ни единого её слова. Желудок крутило с такой силой, что я была готова блевануть прямо под ноги Лорда, безупречно забинтованные в белоснежный флис.

Раздался звон спортивного колокола.

– На старт приглашается Александра Сирина на лошади по кличке Лорд, конный клуб «Белый всадник», город Сургут!

С трудом сдерживая тошноту, я собрала Лорда, пустила его в рабочий галоп и проехала через узкие ворота, отделяющие зону для разминки от зоны для маршрута. Описав полукруг и рассмотрев поближе все препятствия – маленький лайфхак от Ольги Николаевны – я корпусом остановила его напротив судейской скамьи, взяла повод и хлыст в левую руку, правую отвела в сторону и наклонила голову. Задержалась так чуть меньше, чем на секунду, и вернулась в исход-

ное положение. Ладони снова вспотели.

– Старт разрешён!

Снова звон колокола. Это последнее, что я услышала – после все звуки оборвались, только в ушах пульсировала моя собственная кровь.

Руки перестали трястись, желудок внезапно вернулся в норму, я перестала бояться, что меня вырвет, и снова отправил Лорда в галоп – уже не рабочий, а прибавленный. Боковым зрением я заметила, как девочка в одежде со светоотражающими вставками махнула нам красным флажком.

Маршрут начался.

Каждый его шаг совпадал с ударами моего сердца.

Ездой налево, раз, раз-два-три, толчок – первый барьер, отвес семьдесят, чисто.

Его мышцы, переливаясь в ритмичном галопе, подавали сигналы в моё тело.

Проезд прямо, семь темпов, он ускоряется – я разрешаю, второй барьер, раз, раз-два-три, толчок – брусья восемьдесят, чисто.

Никого вокруг не было – только белый шум.

Полувольт направо, три темпа, я не успеваю сработать поводом. Он кидается на барьер, тройник восемьдесят, чисто.

Казалось, в моей собственной талии отсутствовал позвоночник – так чётко я принимала диафрагмой каждую волну его плавного галопы и так гибко изгибалась, оставаясь плотно сидеть в седле.

Раз, два, три, четыре, пять – шенкель – шесть, семь – толчок. Четвёртый барьер, отвес сто, чисто.

Он вытянул вперёд голову и мягко освободился от заданного мной сбора. Я поверила ему и расслабила повод.

По диагонали проезд, я разворачиваю его корпусом, неотрывно смотрю на кирпичную стенку сто. Ненавижу стенки. Темп, темп, толчок – стенка сто, чисто.

Я угадывала, когда нужно встать, а когда – сесть обратно. Следом – темп, темп, темп, ещё темп, толчок – брусья девяносто, чисто.

Его дыхание отдавалось эхом у меня в голове.

На седьмой барьер мы вышли немного под углом. Раз, раз-два-три, выровнялись, шенкель, толчок – брусья сто, чисто.

Мы отрывались от земли, замирали в полёте и становились единым целым. Больше не было Александры Сириной и Лорда – был только один сплошной сгусток горячей энергии.

Тройная система и выход на финиш. Мы сто раз это делали на тренировках. Главное – правильно поставить его на первый барьер, а там он все сделает сам. Отвес девяносто – чисто, темп, шенкель, толчок – отвес сто, чисто, темп-темп-толчок.

Каждое его приземление возвращалось сильной ударной волной. Меня слегка откидывало вперёд, но он помогал мне: подталкивал меня на место коротким махом огромной шеи.

Брусья сто, чисто.

Прямо галопом.

Краем глаза вижу – девочка справа машет белым флажком.

Маршрут закончен.

Звуки вернулись разом и оглушили меня невидимой скорородкой по голове.

– Всадник закончил маршрут чисто, со временем тридцать четыре и семнадцать сотых секунды.

Я слышала аплодисменты и не верила своим ушам.

Чисто? Тридцать четыре, вы сказали, секунды?

Постепенно до меня дошло: я только что сдала на третий разряд, на первый в своей жизни взрослый третий разряд. Лорд продолжал галопировать: переводил дыхание. Я расхоталась, прижалась к его шее, встав на стременах, и помахала в сторону Ольги Николаевны. Она улыбнулась и сделала неопределённый знак рукой.

Женя подошёл ко мне, когда я вешала седло Лорда на место. Он был в парадной форме – белые бриджи в обтяжку, до глянца начищенные сапоги, чёрный редингот с бархатными лацканами.

– Это было что-то! – сказал он с широкой улыбкой. Женя стоял довольно близко ко мне. Ближе, чем я привыкла. – Вы очень красиво смотрите.

– Спасибо, – пробормотала я, смущенно глядя на него снизу вверх. Я чувствовала, как стремительно краснеют мои щёки.

– Сразу видно, школа Ольги Смурко, – сказал он. – Предсказываю вам победу.

Я посмотрела ему куда-то в рот и похлопала глазами. Женя Баренцев говорит со мной? Наяву?

– Ладно, мне пора выезжать на разминку, – махнул он рукой. – Пожелай мне удачи!

– Удачи, – пробормотала я, когда он уже умчался с седлом наперевес.

Постояв ещё секунду, я вспомнила, что где-то в эту минуту на старт должны пригласить Алёну. Ойкнула, накинула прямо поверх насквозь пропотевшего редингота куртку и выскочила на улицу.

– Алёна отстрелялась, – доложила Ольга Николаевна,

недовольно скривилась и протянула мне шарф. – Чисто, сорок четыре секунды, разряд есть.

– Сорок четыре! – ахнула я. Это звучало ужасно долго. – Их не оштрафуют за время?

– Не оштрафуют, – усмехнулась Ольга Николаевна, не отрывая взгляда от конкурного поля. – Стандартное время прохождения этого маршрута – сорок шесть секунд. Это ты проскочила за тридцать четыре.

Сорок шесть секунд требовалось среднестатистической лошади, чтобы пройти эти восемь барьеров. Среднестатистической лошади – того самого мифического существа, для которого составляли маршруты все курс-дизайнеры страны. На тот же маршрут Лорду потребовалось тридцать четыре секунды – и это на двенадцать секунд меньше.

Если вы думаете, что десять секунд – это мало, попробуйте постоять в планке.

Я проводила взглядом Гузара – ветерана нашей конюшни, медлительного и очень исполнительного парня – и помахала Алёне. Подруга широко улыбнулась в ответ и неуклюже затрясла рукой с конкурным хлыстом над головой. Так она делала, когда нам было по одиннадцать.

– Ты молодец, – сказала Ольга Николаевна, заметив наши переглядки. – Но судьи были уверены, что Лорд тебя понёс.

Я ойкнула и снова обернулась к тренеру.

– Я знаю, что на нём скорость не чувствуется, но со стороны... вы летали, конечно. Я сама боялась, что вы в поворот

не впишетесь. Главное, не расслабляйся. Завтра вы прыгаете сто десять, и, если ты будешь так же отпускать Лорда, как сегодня, ты соберешь палки, это я тебе точно говорю.

Собрать палки – то есть сбить верхние жерди с барьеров – значило заработать штрафные очки и просвистеть мимо призовых мест.

Из облаков выглянуло солнце. Оно отдалось лёгким блеском на свежеекрашенных барьерах и бликами засверкало на стройном крупе Присказки – той самой белоснежной кобылы Жени. Он выехал на разминку с безупречной осанкой, похожий на графа викторианской эпохи.

– Но твоё время, конечно, претендует на первое место, – вдруг добавила Ольга Николаевна. – Загадывать рано, но я не думаю, что кто-то из других лошадей способен тебя обогнать.

Я невольно заулыбалась, залилась краской и проводила взглядом неказистого рыжего немца, покидающего плац.

– На старт приглашается Этерина Витальченко на лошади по кличке Дар, конный клуб «Белый всадник», город Сургут!

До той минуты я не обращала внимания на Этери, которая всё это время гоняла Дара по разминочной площадке: усердно и куда жёстче обычного. Когда я обернулась в их сторону, от изумления у меня отвалилась челюсть.

Дар чёткими, армейскими темпами галопировал по плацу. Еврогрунт разлетался от каждого его шага как от выстрелов. Этерина спрятала рыжие волосы под чёрно-серый замшевый

шлем фирмы Horze. Её плечи были непривычно расправлены, яркое солнце блестело на розовых щеках. Она будто спустилась с обложки журнала про конный спорт – в рединготе²⁷ у неё отчетливо был виден изгиб талии. Талия у Этери оказалась такая тонкая, что я сразу почувствовала себя толстой и неуклюжей, хотя всегда считала себя красивее и стройнее её. Несмотря на активный галоп Дара, она оставалась недвижимой – я могла только представить, какие сильные толчки она принимает такой хрупкой на вид поясницей. У неё что, мышцы из дерева? На правом лацкане редингота сверкала её золотая брошка.

Она рассказывала мне про эту брошку ещё на той неделе. Её подарила ей мама на четвёртый день рождения. Это был позолоченный конь на дыбах около трёх сантиметров в длину: очень красивый, рельефный, прям как настоящий. Этери сказала, что без этой брошки она ни разу не выступала на соревнованиях. Это был её счастливый талисман.

Колокол прозвучал ещё раз, Этерина направила Дара на первый барьер. Всё та же девочка дала ей отмашку всё тем же красным флажком. Ольга Николаевна заметно напряглась. Я разволновалась и напряглась вместе с ней – она видит ошибки Этери, и, раз уж так реагирует, эти ошибки могут привести к провалу.

– Она его слишком сильно зажала, – ответила она на мой

²⁷ Редингот – пиджак для выступлений по конкуру. На соревнованиях по выезде, например, спортсмены выступают в цилиндрах и фраках.

немой вопрос. – Посмотри, он же даже головой не двигает свободно.

Это была чистая правда: Дар ехал на первый барьер с таким видом, будто был готов сорваться в карьер в любой момент. От напряжения у него дрожала каждая мышца. Если бы руки Этери не были в белых перчатках, я уверена – мы с Ольгой Николаевной увидели бы побелевшие костяшки даже с трибун.

Первые три барьера она одолела с таким видом, будто сражалась за каждый его шаг. Дар разгонялся на поворотах и тормозил перед прыжком, хотя, по идее, должно было быть наоборот. Я трижды заметила, как он поставил ей плечо, завалившись в сторону от нужной траектории движения, и получил грубое наказание трензелем – не шенкелем, не хлыстом и даже не ладошкой наотмашь по крупу, а трензелем, самым жестоким способом причинить лошади боль. Дар выпрыгивал с места нервно, не вытягивал голову в красивое положение – в баскюль. А баскюль у него был, между прочим, лучший в «Белом всаднике». Он не поджимал под себя передние ноги, не растягивался в полете и не отталкивался за полтора темпа до прыжка, как обычно делал под другими спортсменами.

Они боролись – и такой отчаянной схватки между всадником и лошастью я в жизни не видела.

– И этот конь прыгает сто тридцать с рыси... – пробормотала Ольга Николаевна. – А с ней он еле-еле метр берёт

с галопа...

Это был конец. Я знала, что сейчас все закончится.

Этери сражалась с ним на повороте перед тройной системой – последним барьером в маршруте – и выскочила на первый отвес слишком поздно, под большим углом. Выпрыгнули они чудом, хотя Дару было проще закинуться²⁸. В системе оставалось ещё два препятствия, а они уже на первом прыжке ушли от траектории так далеко, что о чистом преодолении системы можно было и не мечтать.

Этери сделала резкий мах рукой с поводом в воздух, конь дёрнулся вправо и вернулся к точке отталкивания перед брусьями. Дар неумело перешагнул на месте и оттолкнулся перед самыми палками, но было уже слишком поздно. Он снёс передними ногами жерди с такой силой, что те развалились, как карточный домик. Дар запутался ногами в падающих на него жердях и упал, пропахав грудью землю. Этерина, скрытая брызгами еврогрунта, приземлилась на спину прямо перед последними метровыми брусьями.

– О-па, тортик! – сказала подошедшая сзади Наташа.

²⁸ Отказаться прыгать, уйти от барьера.

Её белые штаны были безнадежно испорчены коричневыми разводами от влажного еврогрунта. Она молча стирала пот со лба: рука оставляла на нём всё тот же коричневый след. Редингот с брошью и шлемом висели на крючке денника, а рыжие волосы, ещё утром сияющие и гладкие, прилипли к небольшой головке некрасивыми красными сосульками.

Этерина снимала с Дара ногавки, а мы с Алёной стояли у неё над душой, пытаясь хоть как-то успокоить подругу.

– Ещё целый маршрут завтра, – бляяла я. – Ты же знаешь, в чём были ошибки. Завтра их исправишь, вот и всё.

Этери молчала.

– Ольга Николаевна по-любому тебе скажет, что поправить, – поддакивала Алёна.

Но Этерина продолжала молчать, что бы мы ей ни говорили. Она невозмутимо разбирала Дара, как будто бы и не слышала наших слов поддержки. Зато она явно услышала другую речь: отголоски взрослого разговора доносились откуда-то издалека. Этери вдруг встала с корточек, выпрямилась и, серьёзно нахмурившись, уставилась куда-то за наши спины. Мы переглянулись и проследили за её взглядом.

У выхода на улицу стояли Ольга Николаевна и директор нашей конюшни, Марина Станиславовна. От их диалога – явно на повышенных тонах – до нас долетали следующие об-

рывки:

– Я не для того выбиваю финансирование у Бушуева, чтобы они позорили меня на весь регион! – этот голос принадлежал директорше.

– Да никто нас не позорил, это рабочий момент! – возражала ей Ольга Николаевна.

Этерина пробормотала себе под нос что-то вроде «позорила...», ещё больше нахмурилась и решительным маршем отправилась к выходу. Мы не могли оставить её одну на растерзание тренера и директора и посеменили за ней, усиленно притворяясь немыми. Кидаться за неё на амбразуру нам не очень-то хотелось, хоть нам обеим и стыдно было в этом признаться.

– Некомпетентные всадники не должны занимать место на талантливых лошадях, и ты, Оля, должна это понимать лучше меня!

– Одна ошибка ещё не говорит о том, что всадник некомпетентный!

– А что об этом, по-твоему, говорит? Ты вообще представляешь, что будет, если у нас упадут рейтинги в FEI? На какие шиши я тогда вас всех буду содержать?

– Да кто сказал, что они упадут? Девочка новенькая, да, у неё плохая школа, но мы переучим, в этом нет никакой проблемы! Она же даже месяца с нами не занимается!

– Вот именно, она у нас меньше месяца! А ты её взяла – под свою, позволь тебе напомнить, ответственность – на чем-

пионат округа! На Даре! Может, мне её снять с завтрашнего маршрута, пока не поздно? Пока у нас есть ещё хоть какие-то рейтинги?

– Марин, мы же обе с тобой видели, что девочка талантливая, что ей не хватает только техники, что она нашла подход к коню...

– Да у неё одно издевательство, а не подход! Посмотрим, как ей бы понравилось, если бы её так колотили!

– А вы попробуйте, – звонко сказала Этерина, вдруг оказавшись прямо за спинами взрослых. Мы с Алёной, растерявшись от неловкости, околачивались за ней.

Марина Станиславовна дрогнула и обернулась на нас, окатив Этери недружелюбным взглядом.

– Мы с тобой, Витальченко, потом поговорим...

– Нет, Марина Станиславовна, мы поговорим сейчас, – я слышала, как дёргался голос Этери.

Ну все. Сейчас её прорвёт.

– Мы поговорим сейчас, и вот, что я вам скажу. Да, у меня не такая техника, как у ваших сопливых девчонок. Да, я жёстко обращаюсь с лошадью – но не жёстче, чем любой выездковый спортсмен. Не жёстче, чем положено.

Ольга Николаевна, оторопев, видимо, от наглости и фамильярности, смотрела на неё исподлобья.

– Да, я ошиблась сегодня на маршруте, да, ошибка была страшная, и да, ответственность за неё полностью на мне. Но кто, как вы думаете, довёл лошадь до того, что она отка-

зывается слушать элементарные команды? Вам напомнить, что Антон может остаться калекой на всю жизнь из-за вашего Дара?

Мы с Алёной переглянулись. Байка про Антона была второй страшилкой «Белого всадника» и гораздо более свежей. Последний закреплённый за ним спортсмен однажды неловко подошёл к Дару сзади, тот испугался и лягнул его в самое лицо. Он был в очках – его несчастье – очки разбились, осколок рассёк ему кожу вокруг глаза. С тех пор Антона никто не видел, но поговаривали, что он останется со шрамом на всю жизнь и будет похож на голливудского злодея. Собственно, поэтому-то я очки на конный и не носила.

– Ты задаёшь вопросы, о которых понятия не имеешь... – вставила Марина Станиславовна.

– О чём, Марина Станиславовна, я понятия не имею? – Этерина практически кричала. Мы с Алёной стояли за её спиной как вкопанные. – О заездке лошадей я понятия не имею? Так может, это вы об этом никакого представления не имеете? Раз после случившегося с Антоном вообще подпустили к Дару ребёнка? Когда вы в последний раз сидели в седле вообще?

У директрисы отвалилась челюсть. Мы, обречённо переглянувшись, молились, чтобы Этери сейчас же заткнулась и извинилась. Мы обе не могли произнести ни слова: громкий голос Этерины сковал нас и оставил прятаться за её спиной. Мы стали единым целым, мы втроём, и сейчас, когда

Этерина летела в глубокую пропасть, мы молча летели вместе с ней.

Только Ольга Николаевна сохраняла спокойствие. Она всё так же смотрела на Этери снизу вверх, засунув руки в карманы своей любимой тёмно-синей жилетки с розовым замком.

– Да я... Я двадцать пять лет в конном спорте! – вдруг взвизгнула Марина Станиславовна. – А ты что? Тебе, девочка, ещё расти и расти, чтобы со мной на равных разговаривать! С твоей техникой ты в итоге превратишься в позорище, а не в великого спортсмена!

– А вы мне не тренер, чтобы мою технику оценивать! – отрезала Этерина и вдруг затихла, встретившись взглядом с Ольгой Николаевной.

Повисло молчание. Все понимали, что разговор был на нервах и сгоряча. Марина Станиславовна потирала переносицу правой рукой, мы с Алёной так и стояли с выпученными глазами, Этерина переводила дыхание.

– А теперь послушай меня, – отчеканила тренер. – Если ещё раз я услышу от тебя подобный тон в адрес старших, ты вылетишь отсюда пинком под зад, и я сделаю всё – запомнила? – всё что в моих силах, чтобы в Югре ты ни на одной конюшне даже появиться не смогла.

Я уже закрыла глаза, представив, как сейчас разорётся Этерина. Но она почему-то промолчала. Когда я осторожно открыла один глаз, чтобы оценить ситуацию, она пристыженно смотрела в пол.

– Я тебя защищаю перед Мариной Станиславовной не для того, чтобы ты нам обеим хамила прямо в лицо, – продолжала Ольга Николаевна.

– Тебе дали лошадь, привезли сюда, в Ханты, – несколько обиженно поддакнула директриса.

– И либо ты слушаешь, что мы тебе говорим, либо делаешь по-своему и возвращаешься в свой Воронеж и там объезжаешь диких лошадей, – отрезала Ольга Николаевна. – Ну? Что выбираешь?

Этерина буркнула что-то нечленораздельное. Я поразились: как быстро она загорелась и как мгновенно потухла, стоило только Ольге Николаевне окатить её своим фирменным ледяным тоном!

– Ну вот и замечательно, – Ольга Николаевна растеклась в своей любимой фальшивой улыбке, которая была настолько неприятной и отталкивающей, что поёжилась даже директриса. – А теперь извинитесь перед Мариной Станиславовной.

Извинитесь? Во множественном числе?

– Извините, – буркнула Этерина. Алёна тоже что-то пробормотала. Я непонимающе уставилась на Ольгу Николаевну: мы стояли молча, мы даже не успели понять, что происходит, с чего это мы виноваты в той же степени, что и Этери?

– Я жду, – сказала Марина Станиславовна с видом победительницы и посмотрела мне прямо в глаза.

– А я здесь причём? – вырвалось у меня. – Мы с Алёной

молча стояли, это Этери...

Я осеклась, встретившись взглядом с Этериной. Её зелёные глаза как-то нехорошо сверкнули, и я потупилась.

– Извините, – сказала я.

– Вот, уже лучше! Марина Станиславовна, как мы накажем наших маленьких бунтарок?

Директриса просияла:

– Десять кругов для каждой по плацу. И выдрать гостевой отдел конюшни: пыль с решёток, денники, коридор. Чтобы тут всё сверкало к утру. С руководством я договорюсь.

Солнца на небе не было видно, но это не мешало ему играть яблочными бликами на буром крупе Хеппигуль.

Только сейчас я почувствовала, что такое конный спорт.

Мы стояли напротив огромной толпы на трибунах. Я и подумать не могла, что на меня смотрят столько людей, пока я прыгаю. Я-то думала – тренер, директриса, девчонки да пара судей. А тут... Сколько их? Сотни? Тысячи зрителей?

Ольга Николаевна верхом на Хеппе ехала уже не наши смешные сто и сто десять, а сто сорок сантиметров – высота кандидатов в мастера спорта.

Хеппигуль была немногим ниже Дара. Вся такая тонкая, она всегда задирала затылок выше, чем требуется при правильном сборе. Помню, раньше тренеры бились за то, чтобы заставить эту караковую гордячку опустить голову в нужное положение. Видимо, тренеры сдались.

Кобыла неслась со скоростью света, чётко обрисованные мышцы переливались на тонком корпусе. Казалось, она даже земли не касается. Хеппи отталкивалась от грунта играючи, но взлетала так высоко над разноцветными жердями барьера, что могла при таком же прыжке преодолеть и два метра вместо полутора.

Кстати, она и преодолевала. Хеппигуль, помимо своей непобедимой скорости, была известна на всю область тем,

что легко и непринужденно прыгала под всадником сто восемьдесят сантиметров. На свободе брала два метра. Это, конечно, не мировой рекорд, но для конкурной лошади результат уникальный.

В тандеме с Ольгой Николаевной они создавали впечатление танцующей пары.

Наша тренер не была красавицей: она была ниже меня головы на две, обладала довольно круглой фигурой и каждым своим движением внушала впечатление скорее маленького генерала, чем юной чаровницы.

Но сейчас на Хеппигуль я видела самую красивую девушку на свете. Редингот и ей создал мягкую женственную фигуру. Что за чудо-форма! Может, мне в рединготе в школу ходить?

При каждом прыжке белоснежная замша стягивала бёдра Ольги Николаевны сильнее обычного, и я краснела, любуясь ими. Каждое движение тренера ничего не весило. Даже лицо у неё преобразилось: она залилась румянцем, взгляд стал четким и сосредоточенным. Она вся сияла. Они обе сияли.

Каждый барьер Хеппигуль преодолевала с завидной легкостью, а Ольга Николаевна поддавалась ей, как будто движения на такой огромной скорости ей ничего не стоили. Весь их маршрут стал сложным танцем, завораживающим и скоростью, и грацией, и масштабом.

И это был лучший танец, который я когда-либо видела. Неужели я тоже преображалась верхом на Лорде?

Выдраивание конюшни до двух часов ночи дало о себе знать. Я откровенно клевала носом на разминке и больше не чувствовала коня под моим седлом.

Я не слышала его дыхания, не могла поймать его ритм, не предугадала ни одного его действия. С нами вместе разминались Женя и Присказка, на которую Лорд реагировал как настоящий подросток. Конечно, он не вчера стал жеребцом и не вчера стал обращать внимание на кобыл, но он никогда не выходил у меня из-под контроля. Все его заигрывания всегда сводились к многозначительным подглядываниям и тактичным просьбам отпустить его «по бабам».

Каждый раз, когда мы разъезжались с Присказкой левыми плечами, он сбивал постановление, скидывал сбор, переставал реагировать на шенкель, здорово прибавлял рысь и отклячивал хвост. Иногда он сопровождал это игривым ржанием и лёгкими козлами. Один раз Лорд даже не постеснялся встать на свечку – спасибо, что так, для галочки, а не на дыбы в полный рост. Женя, понимая причину его поведения, только смеялся. Как правило, всадников кобыл очень веселит, когда жеребцы сходят с ума по их лошадям. Это же не им приходится всеми правдами и неправдами возвращать себе контроль.

Я не могла смотреть на Женю – как ни глянь, вспоминала,

как он сегодня подмигнул мне в конюшне. Стоило нам случайно встретиться глазами, как я заливалась краской и утыкалась взглядом в гриву Лорда. А смотреть надо было на барьер и траекторию движения.

Всадник часто чувствует, когда лошадь планирует закинуться. Она вдруг начинает сбивать ритм галопа, как только увидит барьер, косит ногами в разные стороны, мотает головой и смотрит по сторонам с выражением морды в стиле «Ого, а давно здесь эти деревья?». Понять, что контакт нарушен, немногим сложнее, чем сесть на лошадь без вспомогательной табуретки.

Но меня не хватало даже на это: мой мозг был занят попытками вспомнить порядок прохождения барьеров. Ещё я пыталась воскресить в памяти последние советы Ольги Николаевны по поводу поворота на узкую стенку – она всегда раздавала уйму полезных ТУ во время смотра маршрута – и не слышала, что она кричала мне на разминке.

Ух, как же я ненавижу узкие стенки!

На разминочных прыжках Лорд дважды закинулся.

– На старт приглашается Александра Сирина на лошади по кличке Лорд, конный клуб «Белый всадник», город Сургут!

Пока мы галопировали по плацу на приветствие к судьям, он трижды подставил мне плечо. Лорд буквально выдирает из моих рук свою голову, чтобы взглянуть в сторону При-

сказки. Для остановки на приветствие перед судейской скамьёй я изо всех сил прижала к седлу шлюсс, напрягла как следует поясницу, отклонилась назад и до сопротивления натянула повод. Он со скрипом перешёл сначала на рысь, потом на шаг и, наконец, остановился, растопырив ноги в разные стороны.

Я похоронила шансы на призовое место примерно в этот момент.

– Старт разрешён!

Сердце заколотилось сильнее обычного.

Ездой направо, отвес девяносто, чисто.

Пять темпов прямо, брусья сто, чисто.

Дуга на тройник. Лорд на ходу меняет ноги, снимается на прыжок аж в метре от нужной точки отталкивания. На удивление чисто.

Брусья сто, отвес сто десять, брусья сто пять. Я потеряла контакт с поводом. Чисто.

На следующий барьер мы проезжаем по дуге мимо разминочного плаца. Женя останавливает Присказку прямо около забора, при желании я могла бы коснуться ладонью её шеи. Короткий конкурный хлыст в моей правой руке пугает кобылу. Лорд отдаёт мне козла и ржёт. Я злобно бью его хлыстом по плечу. Он сворачивает длинную шею клубком, повод провисает.

Я его не чувствую.

Двойная система, после которой – резкий поворот на ко-

роткую стенку. Он снимается не по центру и слишком близко к барьеру, мне в грудь отдаёт сильный толчок, я задыхаюсь, теряю равновесие. Он приземляется – я приземляюсь на его шею.

Темп, темп, прыжок. Баланс восстановить я не успела, но мне хватило ума не садиться обратно в седло, а закрепить-ся в положении конкурной посадки. Встать на стремянах, наклониться к шее, руками за гриву. Был шанс, что он закинется, когда поймёт, что я совсем отдала ему повод. Но он не закинулся. Интересно, почему?

Двойная система – чисто.

«Есть смысл перевести его на рысь», раздался глухой голос Ольги Николаевны из обрывистых воспоминаний о смотре маршрута.

И почему я так хреново её слушала?

Я уселась в седло как можно плотнее и сжала живот в комок изо всех сил. Я представила, что я – тяжёлый мешок картошки. Обычно лошади сразу сбивались с привычного ритма и тормозили, но Лорд даже не подумал сократить галоп. Контроля за поводом у меня больше нет.

Пришлось отложить идею осадить его и работать с тем, что есть.

Он снова громко ржёт, но я слышу его голос как нечто отдалённое. В моих ушах белый шум.

Я пытаюсь дожать его до угла. Он ставит мне плечо, закусывает левый повод, перестаёт реагировать на сигналы и сре-

зает поворот вслед за перевесом моего корпуса.

Твою мать.

Я смотрю только на центр стенки. Он уводит меня куда-то вбок. Осталось четыре темпа до точки отталкивания. Блин, мы же её проскочим!

Я громко выругалась и понадеялась задней мыслью, что меня никто не услышал.

Рывком рукой направо. Да, ему больно, но мне насрать. Ещё рывком рукой направо, левой пяткой наотмашь неважно куда. Куда попаду.

Облокотиться на правую ногу. Поднять задницу над седлом и встать на правое стремя. Если мы не грохнемся прямо здесь, то должны выскочить на стенку.

Лорд споткнулся, но дал направо. Слишком близко – до точки отталкивания меньше темпа.

И хрен с ним.

Я силой поворачиваю ему голову прямо в барьер, прижимаю шенкель так плотно, что уже не чувствую ног, отвожу руку с коротким хлыстом назад, бью с размаха. Должна попасть по крупу. Попала.

Он мешкается, перепрыгивая на одном месте с ноги на ногу, но в итоге сигает с места. Как я и думала – слишком поздно.

Мы не влезаем в узкий барьер. Передними ногами он сносит жердь, задними – левую стойку.

Разрушенное препятствие. Четыре штрафных очка.

Ольга Николаевна мне ничего не сказала. Я отшагивала Лорда на разминочной площадке. Капсюль был расстегнут, подпруги расслаблены, я вытащила затекшие ноги из стремьян и вытянула их вдоль его боков. Мы оба тяжело дышали. Я сгорбилась, он вытянул вперёд шею и опустил голову. Только теперь я снова его чувствовала. Мы оба не поняли случившуюся диверсию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.